

МИХАИЛ КОСТИН
АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ

ТРЕТЬЯ СИЛА

Михаил Костин
Алексей Андреевич Гравицкий
Третья сила
Серия «Живое и мертвое», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4418455

Аннотация

С незапамятных времен в мире есть два полюса: Объединенные Территории Консорциума, пошедшие по пути научно-технического прогресса, и Дикий Север, где по-прежнему в чести магия. Именно выбор пути, по которому развиваются государства, и есть основа давнего конфликта.

Борьба между двумя полюсами мира обостряется еще и тем, что они оказываются лишь фигурами в игре между куда более могущественными древними силами. Но в каждой партии есть свой джокер.

На игровом поле между ОТК и Диким Севером возникает новая сторона – город Витано, вчерашнее место ссылки государственных преступников. Эта третья сила настроена решительно и способна поломать планы как двум государствам, так и стоящим за ними кукловодам.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
1	9
2	22
3	28
4	34
5	41
6	51
7	56
8	61
9	67
10	71
11	81
12	86
13	94
14	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Алексей Гравицкий, Михаил Костин Третья сила

Пролог

«Здравствуйте!

Доброе утро! Хороший день! Новый день!

Всякий, кто скажет вам, что можно читать мысли на расстоянии, – шарлатан. Я никогда не был шарлатаном, и все же я знаю, о чем вы думаете. Вы открыли эту газетенку, увидели меня на первой полосе и обрадовались.

Конечно! Скандальный журналист, правдоруб, обличитель и любитель вытаскивать грязное белье наружу. Он говорил что хотел и обличал ушедшую власть. Сейчас, когда мы живем по-новому, в прекрасном настоящем, где нет той власти, что ты скажешь нам теперь, Санчес? Что напишешь в это прекрасное утро?

Да-да, именно так вы и думаете. И, читая эти строки, улыбаетесь мне и новому солнечному дню. Улыбайтесь, пока я не испортил вам настроение. Потому что я, Санчес О'Гира, буду говорить вам правду, несмотря на погоду за окном и власть в „здании со шпилем“. А правда – не повод улы-

баться.

У вас тут свершилась революция? Дворцовый переворот? У вас сменилась власть? Вас поманили новой красивой жизнью? Вам пообещали новое светлое будущее? Вас надули! Жуйте свою яичницу, не подавитесь.

Власть сменилась, революция – или переворот, кому как угодно, – произошла. Но ничего не изменилось. Я вас ошарашил? Не надо откашливаться чаем на скатерть, и, если бекон встал поперек глотки, попросите жену постучать по спине.

Вы знаете, сколько людей погибло во время заварухи возле здания Консорциума? Да, вы слышали статистику. „Жертвы революции“ – так принято о них говорить. Хотя я бы назвал их иначе. Да и какая революция? Посмотрите по сторонам! Выплюньте свой несчастный бутерброд, закройте рот, откройте глаза и поглядите по сторонам. Что изменилось?

Да ничего! Вы так же жуете свой завтрак, пролистывая „Огни Вероллы“. Я так же пишу для вас всяческую ерунду. Солнце так же сверкает на шпиле здания Консорциума. Ах да, в этом здании теперь другие люди. Они обещали вам свободу. Ура?

Откройте глаза! Свобода – это глупое заблуждение. Оно зарождается в детских мозгах, когда ребенок пытается отделаться от несвободы. Ребенок стремится вырваться из-под власти родителей и мечтает о дне, когда он не станет чистить зубы и сможет есть шоколадные конфеты каждый день. По-

том он подрастает, и свобода для него – пить будоражащие разум коктейли с друзьями и приходить домой после полуночи. Кстати, пузырьки в игристых винах дают неопишемую иллюзию свободы! Ребенок растет, он пытается вырваться из-под власти родителей, наставников, учителей, начальства.

Стоп! Он уже не ребенок. Он – это вы! И вы по-прежнему хотите свободы от самодурства начальника-идиота. Вы мечтаете вырваться из-под каблука жены, из объятий уроды – коллеги по работе, который с чего-то возомнил, что вы с ним друзья. А вы никогда его терпеть не могли, но его жена – ваша любовница, и вам приходится терпеть. Кстати, любовница – это ведь тоже попытка почувствовать свободу? Вас тяготит любая власть, любые рамки. Это у вас с детства. У кого-то больше, у кого-то меньше. Кто-то вырвался из одной несвободы в другую и успокоился. Кто-то так и не повзрослел и продолжает верить, что свободу даст, например, новая власть.

Вот она, эта власть! Какую свободу она вам дала?

Новая власть не запрещает магию? О да, формально! Но ведь она ее и не разрешает. С тем же успехом можно сказать, что новая власть не запрещает запуск дирижаблей над Вероллой. На бумаге запрета нет, но попробуйте взлететь возле здания Консорциума, и это станет последним полетом в вашей жизни.

Или, может быть, новая власть расформировала службу приставов, думая о которой вы боялись спать по ночам? Ко-

нечно, ведь коллега-урод может узнать про то, что вы спите с его женой, и написать на вас кляузу, обвинив в использовании запрещенной магии. И вы ничего не докажете. Вы просто предстанете перед судом и будете сосланы на острова. И это по-прежнему так. Служба приставов и Отдел магического надзора не распущены, как вам это объясняют. Они просто переименованы и реформированы. Те же люди, на тех же местах. Занимаются тем же, чем занимались прежде.

Свобода – миф! Чушь для подростков!

Попросите жену, пусть она все же постучит вам по спине. Вы знаете, сколько опальных магов и прочих вместе с ними было сослано на острова за последние десять лет? Нет? Я расскажу вам. Я приведу точные цифры. А знаете ли вы, сколько неугодных отправилось на Свалку за последний месяц? Эта цифра в несколько раз превышает количество сосланных за последнее десятилетие. И, как обычно, я не голословен. Читайте подробное журналистское расследование на страницах 9-14.

Знаете, за что сосланы эти люди? Знаете, чем они там сейчас занимаются? Хотите знать? Я расскажу вам на девятой странице.

А пока новостная колонка от моего коллеги. Кушайте спокойно. Только поторопитесь, я еще испорчу вам аппетит несколькими страницами позже.

Добро пожаловать в новый светлый день!

Да, помните, в самом начале я писал, что не шарлатан? Забудьте. Я шарлатан. Нормальный журналист никогда не напишет того, что написано выше. Вся штука в том, что я не нормальный журналист. Я фигляр, развлекающий вас, пока вы жуете свой завтрак. Но вам ведь нравится, правда?»

Санчес О'Гира «Огни Вероллы»

№ 43 за текущий год, первая полоса

Часть первая

*Две силы есть – две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы...*

Ф. Тютчев

1

Хрясь!

Охранник с неестественно вывернутой шеей конвульсивно дернулся и обмяк. Орlando придерживал несчастного, потом ослабил хватку. Тело с грохотом рухнуло на пол.

– Ты что делаешь? – Пантор ошалело смотрел на громилу-мертвяка. – Мы так не договаривались.

– Мы договаривались по-тихому, – пожал плечами Орlando. – Он, что ли, громко хрустнул?

Пантор глянул косо, оценивающе: не издевается ли. Но мертвяк был слишком прост и прямолинеен для подобных издевок. Потому молодой маг и выбрал его в качестве напарника для побега.

Все, что было в голове у Орlando, тут же проступало у него на лице. Каждая мыслишка, каждое чувство. При воз-

возможности читать его, как открытую книгу, при всей этой простоте и открытости он был далеко не глуп. Это редкое сочетание и стало для Пантора решающим.

– Он тебя заметил, – извиняющимся тоном пробормотал мертвяк, по-своему истолковав молчание Пантора.

– Можно было иначе. А так его скоро хватятся, станут искать и...

– Не так и скоро его начнут искать, – покачал головой Орlando. – И найдут не сразу. Главное – лучше спрятать. А вот если бы ты тут магией воспользовался, нас бы уже взяли. Не забывай, что мы еще в городе. Здесь даже муху при помощи ваших штучек незаметно убить нельзя.

Пантор помялся. Напарник был прав, но сворачивать по этому поводу шеи...

– Но это убийство. Он же теперь мертв, – пробормотал он в качестве последнего аргумента.

– И чо? – искренне не понял Орlando. – Я тоже мертвый, причем давно.

Юный маг не нашелся с ответом. Мертвяк подхватил за ноги бездыханное тело и поволок за угол, туда, где громоздились какие-то ящики и торчал огромный мусорный бак. Вернулся довольный.

– Идем?

Пантор кивнул:

– Только без трупов.

– И без магии, – отозвался Орlando.

– По обстоятельствам.

– По обстоятельствам, – согласился мертвяк и, стараясь держаться в тени, зашагал вдоль замызганных стен первой линии домов.

Пантор заспешил следом.

Спорить теперь было не о чем и незачем. Главное – до ночи пробраться к окраине города и в темноте выскочить за его пределы. План выходил весьма абстрактным, но лучшего у Пантора и Орландо не имелось.

Ту часть побега, что касалась знакомой портовой местности, пара беглецов продумала до мелочей, и реализовать ее вышло без сучка и задоринки. Дальше все выглядело весьма туманно. Города за пределами порта не знал никто из портовых чернорабочих.

Лупа-нопа – порт, принимавший ссыльных с Большой Земли, – по прикидкам Пантора, выходил довольно крупным городом. Вот только проверить свои прикидки он не мог. Город был живым организмом. Он позволял жителям определенную свободу, но при этом задавал жесткую иерархию.

Все сосланные сюда опальные маги и нелюди, большая часть которых была создана нарушившими закон некромантами, прямо с корабля попадали в закрытую зону. Ссыльных регистрировали и отправляли на принудительные работы.

Каторжникам доставался самый тяжелый, самый грязный труд. Это Пантор успел оценить на собственной шкуре. Работали с утра до ночи. Спали мало, питались скудно. Мно-

гие живые не выдерживали такого режима, умирали от истощения. Впрочем, с ними не церемонились. Через несколько месяцев, когда каторжан становилось на порядок меньше, с Большой Земли приходил корабль с новой партией ссыльных преступников. Тогда старожилам давали некое подобие свободы.

Теперь они могли работать хоть и под присмотром, но в открытой части города. Формально в свободное время они имели право свободно передвигаться по всему Лупа-нопа. На практике город ограничивался для них бедными кварталами возле порта. Появление кого-то из них на набережной, где случалось прогуливаться жителям богатых районов, было так же невозможно, как появление нищего возле здания Консорциума в центре покинутой Пантором столицы.

С выходом из закрытой зоны работы становилось меньше, за нее платили. Немного. Хватало на то, чтобы снять дешевую комнатуху в одном из доходных домов, и на еду. Если жить скромно, то к концу недели получалось скопить на нехитрые развлечения и надраться до беспамятства или снять портовую девку.

Со временем, если усердно работать и не привлекать к себе внимания дурными выходками, можно было сделать некое подобие карьеры и лет через пятнадцать-двадцать стать полноправным гражданином города либо получить разрешение на выезд за его пределы.

За город попадали большей частью мертвяки, вампиры

и прочая нежить. Этим гражданства не давали, лишь разрешали брать на поруки. Потому они в городе не приживались, в отличие от людей.

Получив гражданство, при желании, должном усердии и уме можно было подняться довольно значительно. Нельзя было только вернуться на Большую Землю.

Впрочем, Пантор не скучал ни по ОТК, ни по Веролле, ни по системе, которая поставила его вне закона и вышвырнула на острова, как на свалку. Его незаслуженно посчитали человеческим мусором, и он не собирался лезть из кожи вон, чтобы доказывать что-то кому-то задним числом. Как не был намерен и подлаживаться под новую систему. Хватит, он достаточно в своей жизни играл по чужим правилам.

Побег казался единственным выходом. За пределами города находилась полудикая территория. Без надобности власти в те края не совались и закрывали глаза на все, что там творилось, кроме совсем уж вопиющих случаев. Да и то, если они происходили в ближайшем пригороде. И Пантор решил бежать, найдя союзника в громиле-мертвяке.

Зачем бежал Орландо, юный маг не знал и не пытался догадываться. Мертвяк порой мыслил совершенно непонятными живому категориями...

Орландо вынырнул из тени, и Пантор потерял мысль. Беглецы выскочили на городскую набережную. Здесь было довольнолюдно. В лучах закатного солнца прогуливались парочки из богатых кварталов. Мужчины в дорогих костюмах,

дамочки с ажурными белоснежными зонтами, не спасающими ни от дождя, ни от зноя.

Пантор зашагал медленнее. Та часть набережной, что соприкасалась с трущобами, теперь за спиной. Позади были дешевые таверны и доходные дома, торговые и тюремные причалы, шлюхи и выпивохи. Позади осталась грязная сторона этого города. Вперед убегали чистые улицы с важными людьми. Появление среди них Пантора было неслыханно. А уж мертвяк и вовсе сюда мог забрести, разве что перетаскивая груз, который не в силах поднять человек.

На беглецов косились, указывали пальцами. Орlando не обращал на это никакого внимания, пер как мобиль на гусеничном ходу. Пантор тоже старался держаться независимо, но получалось плохо.

– Уходим отсюда, – шепнул он, поравнявшись с мертвяком.

Орlando кивнул едва заметно и свернул в боковую улочку, что уводила в сторону от набережной. Народу здесь практически не было. Узкая мощеная дорожка извивалась, будто агонизирующая змея. Дома нависали с двух сторон, плотно притираясь к дороге и друг другу.

– Ты что, знал, куда идти?

– Чо? – не понял Орlando.

– Маршрут хорошо продуман. Как будто ты готовился. Ты здесь бывал раньше?

– Ничего я не продумал, – обиделся непонятно на что

мертвяк. — Ты сам сказал, что уходить надо, я и повернул. Просто повезло.

Пантор попытался сказать что-то, объяснить, что не хотел обидеть, но Орландо прибавил шагу. Улочка свернула. Раз, другой. Они выскочили на перекресток. Перемахнули на другую сторону и снова запетляли узкими переулками. Здесь стояла странная смесь запахов еды и нечистот. Видимо, это был не самый богатый район.

Солнце клонилось к закату. Ветер, что дул с моря, поутих, потерялся где-то за домами. Орландо замедлил шаг. Пантор поравнялся с ним, притормозил.

— Что? — спросил тихо.

Мертвяк не успел ответить.

— Эй! Вы, двое!

Оклик хлестнул по ушам. Орландо почти совсем остановился. Далеко впереди по улице топали два крепких мужика в форме городской охраны. И сейчас они явно направлялись к беглецам.

Пантор попятился.

— А ну-ка стоять! — рявкнул один из стражей.

Молодой маг замер. Мысли запрыгали бешено и бестолково. Что делать? Не затевать же драку посреди города? Бежать? Куда?

Что-то грубо схватило за предплечье, потянуло в сторону. Он не сразу сообразил, что это Орландо тащит его за собой назад по улочке.

– Стоять! – заорали за спиной с угрозой.

Пантор очнулся от замешательства и бросился вслед за мертвяком. Бежать.

Перед глазами маячила широкая спина, под ногами мельтешила брусчатка. За спиной громко топали бегущие стражи. В ушах пульсировала кровь.

Мертвяку хорошо, ему о сбите дыхания думать не надо...

– За мной, – отчетливо обронил Орlando и юркнул в сторону к неприметной двери.

Скрипнуло. Дверь распахнулась. Мертвяк отступил, пропуская мага внутрь. Сзади слышались ругательства, топот. Снова скрипнуло, хлопнуло. Пантор сделал несколько шагов в темноте, наткнулся на ступеньки и запнулся. Зашагал вверх на ощупь.

– Быстрее, – поторопил Орlando.

Ступеней было немного. Меньше десятка. Затем ровная площадка. И снова ступени. На этот раз вниз.

– Не спи. Впереди дверь.

Интересно, как это мертвяк видит в темноте?

– Как кошка, – недовольно буркнул Орlando, и Пантор понял, что говорит вслух.

Поспешно скатился вниз по ступеням, уткнулся в твердое. Стена? Дверь?

Нащупал ручку, нажал, потянул. Дверь не поддавалась.

– Да толкай же ты, – в голосе мертвяка слышались недо-

вольные нотки.

Пантор толкнул и сощурился от ударившего в глаза света. Пока жмурился, Орlando выпихнул его наружу, схватил за плечо и снова потянул вверх по улице. Параллельной улице.

– Быстрее.

– Вам, мертвым, хорошо, – огрызнулся Пантор.

– Умрешь – обсудим.

Они пробежали еще несколько домов, затем Орlando снова свернул куда-то. Потом еще. Мелькали проходные домов и дворики, извивались улочки. Вскоре Пантор понял, что совершенно потерял направление. Но преследование если и продолжалось, то давно потерялось где-то вдали.

Наконец мертвяк отпустил его руку, сбавил шаг. Только теперь Пантор понял, насколько устал бежать. В груди кололо и хрипело. Мышцы налились тяжестью, саднило плечо, которое все это время мертвой хваткой держал Орlando.

Пантор оглянулся. Улица была пуста, тонула в сгущающихся сумерках. Маг остановился, упер ладони в колени и перевел дыхание.

Мертвяк, перестав слышать шаги, обернулся, пошел обратно.

– Чо застыл?

– Устал, – признался Пантор.

– А, – глуповато кивнул Орlando.

Молодой маг распрямился и кивнул, пошли, мол. Мерт-

вяк понял без слов, потопал вверх по улице, но уже неторопливо.

Пантор какое-то время шагал молча. Зыркал по сторонам, но местность была совершенно незнакомая. Дома стали ниже, выглядели богаче и стояли не так плотно друг к другу. Вокруг них зеленели сады и дворики.

– Куда мы идем? – не выдержал наконец маг.

– Куда шли, туда и идем, – пожал плечами Орландо.

– Уверен? Я давно потерял направление.

– Я не потеряю. Я его чувствую. – Мертвяк тяжело вздохнул и грустно посмотрел на Пантора. – Это единственное, что я способен чувствовать.

И маг впервые услышал в голосе компаньона тоску. Дальше шли молча. Орландо впереди, Пантор видел его могучую спину и мог только догадываться о том, что у того на душе. Да и есть ли душа у мертвого? Впервые об этом маг задумался только здесь, на острове.

Прежде он смотрел на мертвяков как на материал для экспериментов с некромантией и только. Но на острова на равных ссылали и ненужные обществу результаты неудачных опытов с запрещенной магией, и самих магов, нарушивших закон. Во всяком случае, ссылали при власти Консорциума. Теперь, после того как в Веролле восстали маги и свергли правительство, ходили слухи, что все стало совсем по-другому. Впрочем, слухи слухами, а корабли с Большой Земли приходили по старому расписанию и все так же привозили

ссылных.

Орландо сослали тогда же, когда и самого Пантора. Маг запомнил громилу-мертвяка еще на судне. Слишком уж выделялся этот бугай среди прочих своих собратьев. Но тогда он был для мага просто неким существом. Сущностью, возвращенной к жизни другим магом. Только прожив с этими сущностями несколько недель, Пантор начал замечать, что порождения некромантии не бессловесные тряпичные куклы.

Неживые оказались такими же разными, как и люди, которыми они были когда-то. Разные характеры, разные привычки, разные повадки. Совершенно разный образ мысли. Да, мертвяки тоже были способны нелинейно мыслить. Нехитрое знание стало для Пантора откровением.

И это было не единственное открытие.

Пантора сослали на острова за незаконное использование запрещенной магии. И пусть изначально вины за ним не было, а обвинение выходило ложным. Пока бегал от липовых обвинений, он успел нагрешить на значительно большее количество уже серьезных обвинений по делу. Так что как ни крути, а вина перед законом у опального мага имелаась. Вся вина Орландо состояла в самом факте его существования. Это казалось логичным, когда Пантор жил среди людей, где неживые выглядели не более разумными, чем мебель. Вот только время, проведенное среди мертвяков, несколько изменило логику.

И если маг, создавший Орландо, был вне закона за нарушение запрета, то сам Орландо был вне закона по определению. Виноватый без вины.

С создателем Пантору познакомиться не удалось. Маг, породивший громилу-мертвяка, погиб накануне в той самой заварухе, окончившейся сменой власти, которую газеты теперь называли революцией.

За неспешными мыслями совсем стемнело. Потому, когда Орландо резко остановился, Пантор едва не впечатался ему в спину. Насторожился:

– Что там?

Орландо молча поднес палец к губам кивнул в сторону. Маг проследил направление. Последние дома остались за спиной, вдоль дороги буйствовали деревья и кусты. А там, впереди, куда указывал мертвяк, светилась сиротливым огоньком крохотная будка да висел, перекрывая дорогу, хлипкий шлагбаум.

– Обойдем, – шепнул Орландо и свернул с дороги.

Зашуршал ветками. Пантор поспешил следом.

Шли небыстро, осторожно отводя и перехватывая ветки, чтобы не создавать лишнего шума, не привлекать внимания. Опальный маг сосредоточился на этом процессе настолько, что потерял счет времени. Наконец заросли стали редеть. Впереди проявилась поляна. Орландо остановился.

Пантор прислушался. Тишина.

– Думаешь, они нас не перехватят? – спросил шепотом.

– А чо мы им? Они следят, чтоб в город всякие не лезли, а что из города бежит – им без разницы. Главное – порядок в Лупа-нопа.

– Откуда такая уверенность?

Орландо пожал плечами:

– Так мы уже за городом. И никто не ловит.

Костер разошелся быстро. Запасливый Орландо достал газетку для розжига, наломал хвороста, потом, когда весело запылало, принялся подкладывать бревна поувесистее. Эти сперва тоже взвились ярким пламенем, затем огонь притих, и заалели угли. Зрелище было невероятно красивым. Пантор смотрел на игру стихии едва не с раскрытым ртом.

– Не гляди, – посоветовал Орландо.

– Почему? – не понял маг. – Это красиво.

– Красиво, – согласился мертвяк, – только потом не видно ничего.

Пантор повернул голову и вгляделся в крошечную темноту. Перед глазами на фоне ночи замелькали яркие пятна.

В лесу Пантор ночевал считанные разы, в обществе таких же городских жителей, как и он сам, потому очевидным это не казалось. До того, что от долгого всматривания в огонь теряется зрение, нужно было додуматься. Как и до того, что в лесу может подойти кто-то, кого не ждешь. Вот только откуда такой опыт у мертвяка?

– Откуда ты это знаешь?

Орландо пожал плечами:

– Не знаю. Просто помню и все.

– То есть?

– Я хорошо помню свою жизнь мертвым, – пояснил мерт-

вяк. – С того момента, когда меня подняли. А вот что было до того... вся прошлая жизнь, ну та, когда я был живым, – в тумане. Я говорил с другими. У всех по-разному.

– Может, это зависит от того, кто и как воскрешал? – предположил Пантор.

– Может. А может, от времени, которое прошло от момента смерти до момента воскрешения. Вот ты маг, ты же этого не знаешь?

– Не знаю.

– А мне откуда знать? – грустно ухмыльнулся Орландо. – Я ведь в магии не разбираюсь. И меня, когда поднимали, не спрашивали, хочу ли я такой жизни. Тот, кто меня вытащил из небытия, забавлялся с некромантией. Что-то изучал, исследовал, экспериментировал. Обо мне он думал в последнюю очередь.

– Это наука, – попытался заступиться за коллегу Пантор.

– Это для вас наука. Для нас – нет. Нас не спрашивают. Нас просто создают и пускают в мир, в котором нам не рады. Любое существо, порожденное магом, существует вне закона. Оно изначально обречено стать изгоем. Жить на свалке. Выживать. Ты этого не поймешь.

Пантор помялся. Орландо был прав, но что-то мешало просто согласиться.

– Почему же не пойму. Два человека кувыркаются в постели, получают удовольствие. В результате на свет появляется новый человек. Его тоже никто не спрашивает, хочет он

жить в этом мире или нет. И перспективы у него могут быть разными. Все зависит от родителей, общества, воспитания.

Орландо покосился на компаньона с интересом.

– Твои родители просто развлекались?

Опальный маг помялся.

– Нет, мои родители хотели детей и были рады моему рождению, но...

– Я же говорю, что ты не сможешь понять, – перебил мертвяк и уткнулся в обрывок газеты.

Тихо потрескивали угли. От земли тянуло сыростью и прохладой. Пантор поежился и придвинулся ближе к костру. Хотелось смотреть на пляшущие по поленьям огненные языки, но он сдержал желание. В самом деле, мало ли кто может ходить рядом в ночи. Да и от города они ушли не так далеко. Что бы ни говорил Орландо, а возможна погоня. В темноте гулко ухнуло, затихло и снова глухо расходилось. Птица?

Молодой маг зябко повел плечами, посмотрел на попутчика. Тот невозмутимо изучал потрепанные останки газеты.

– Это с Большой Земли?

– Местная, – помотал головой Орландо.

– И что пишут?

– Чо? Про революцию, знамо дело. Как на Большой Земле власть переменилась. Дескать, раньше Объединенные Территории Консорциума гнулись под властью консерваторов, не желающих иметь дело с магией, но теперь все будет по-

новому. Нами правят маги, значит, жизнь станет сказкой.

Орландо сложил газету и бросил рядом на землю.

– А еще говорят, люди логичны, – добавил со значением. – Где здесь логика? Это то же самое, что сказать: нами правит богатый человек, значит, мы все заживем богато. Жизнь у них теперь сказка. А корабли с каторжанами как приходили, так и приходят.

– На Большой Земле тебя бы за такую философию в два счета на острова сослали, – усмехнулся Пантор.

– И чо? На Большой Земле меня бы сослали на острова и без этой философии. Я мертвяк. И вообще, мы с тобой не на Большой Земле, так что бояться нечего. Тем более мы в бегах. Кстати, а ты зачем бежал?

Вопрос прозвучал совершенно без перехода. В лоб и настолько резко, что Пантор опешил. Они никогда не говорили о причинах. Просто сговорились, выносили план и реализовали его. Это казалось настолько закономерно, что вопрос «зачем?» просто не возникал.

– Надоело, – честно признался Пантор. – Надоело подстраиваться под систему, ее законы и бояться стать неудобным. Надоело быть виноватым, когда ни в чем не виноват.

– Не боишься, что система догонит и уничтожит?

Пантор покачал головой.

– Раньше боялся. Теперь не боюсь. Пусть лучше убьют за дело, чем для профилактики.

– Это ты сейчас так говоришь. Станут убивать – загово-

ришь иначе. Не убивали тебя.

Пантор отвернулся и уставился в костер. Языки пламени слепили, делали уязвимым, но эта игра огня и тени успокаивала.

– А сам зачем сбежал?

Орландо крикнул и пожал плечами.

– Ну, так... Ты про Витано слышал?

Пантор оторвался от костра и перевел взгляд на мертвого приятеля. Про Витано слухов ходило не меньше, чем про революцию в ОТК. Поговаривали, что где-то в глубине острова находится огромный город, возникший вдруг. Ниоткуда. Причем его появлению способствовал невероятно сильный магический всплеск. Власти Лупа-нопа об этом не распространялись и, кажется, не проявляли к этому никакого интереса.

А может, и проявляли.

А может, и не было никакого Витано, слухи одни.

– Слышал кое-что, – уклончиво ответил Пантор.

– Вот туда хочу, – обрадовался Орландо, будто причастность приятеля к сплетне подтверждала реальность неведомого города. – Там, говорят, к таким, как я, с уважением теперь относятся.

– Теперь? – не понял маг.

– Раньше все не так было, – кивнул мертвяк. – Но потом там случился переворот, и новые власти к магии и неживым относятся со всем почтением. Не веришь?

Пантор помялся.

– И здесь революция?

– А чо тебя удивляет? Революции, они косяками ходят. Мир обновляется не точечно. Уж если начинает трясти, то всех и повсюду.

– Ты же не верил в перемены? – упрекнул маг.

– Э, брат, перемены переменам рознь. Тут такие перемены, что хочется верить. Так что я в Витано. А ты?

– Не знаю.

– Айда со мной.

Пантор снова повел плечом. Планов не было. Давать обещаний не хотелось.

– Посмотрим, – выдавил он и добавил, чтобы только прекратить разговор: – Дай газетку. Чего там еще интересного пишут...

Завтрак подали в кабинет, когда Ионея сидела за столом и просматривала свежую прессу. Не всю, конечно, а ту, на которую, по мнению советников, стоило обратить внимание. Свежая пресса и письма невысокой степени значимости по утрам стали уже традицией. Завтрак на ходу – тоже. Последнее правительницу не очень радовало.

Хорошо хоть сегодня можно позавтракать в одиночестве, а не с каким-нибудь высокопоставленным кретином.

На этой мысли постучали. Ионея с тоской посмотрела на дверь, вздохнула.

– Войдите.

Дверь едва приоткрылась, и в проем шмыгнула Лана. Ученица последние месяцы вела себя тихо и неприметно. Лишних встреч избегала, все больше проводила время в своей комнате. С Ионеей общалась постольку поскольку.

Правительница видела, что девушку что-то тяготит, но на разговор по душам никак не хватало времени, и Ионея закрывала на душевные метания ученицы глаза.

Впрочем, иногда подходящий случай для разговора подворачивался. Вот как сейчас. Только с утра пораньше совершенно не хотелось забивать себе голову мелкими чужими проблемами и портить настроение.

– Здравствуй, – улыбнулась Ионея.

– Госпожа. – Лана коротко поклонилась. Ровно настолько, насколько требовал этикет.

– Позавтракаешь со мной? – предложила Ионея и кивнула на кресло напротив так, что отказаться не смог бы никто.

Лана осторожно присела на краешек. По лицу было видно, что она не знает, с чего начать. И пусть себе не знает. И увести ее как можно дальше в сторону, чтоб так и не решилась на разговор. Он сейчас ни к чему.

Правительница пододвинула к себе чашку с отваром. На ученицу посмотрела со снисхождением, с каким сильный мира сего смотрит на заявившегося некстати просителя.

– Читала свежие «Огни Вероллы»? – спросила тоном, каким поддерживают светскую беседу.

– Нет, – неуверенно произнесла Лана. – А что там?

– Там разгул свободы, который пора заканчивать. Там очередное...

В дверь осторожно постучали. Ионея выдохнула с облегчением. Теперь тему менять не придется, она уже сама сменилась.

– Войдите.

На этот раз дверь распахнулась широко. На пороге стоял лорд Бруно.

– Госпожа, вы позволите?

Ионея кивнула.

– Присоединяйтесь.

– Благодарю покорно, – вежливо ответил лорд. – Я уже

позавтракал. Есть проблема, госпожа.

Взгляд старика упал на кипу газет и конвертов на краю стола.

– Вы уже читали сегодняшнюю прессу?

– Как видите. Ваше мнение по этому поводу, дорогой Бруно?

– Мое мнение... – Старик помялся.

– Садитесь, – кивнула Ионея.

– Спасибо, госпожа, не стоит. – Он неуверенно пожевал губу. – Мое мнение... Сегодня утром в доме лорда Фонза был пожар. Вечером к Фонзу пришел лорд Гальмет. Они не были дружны, а в последние недели крепко вздорили. Лорд Фонз поддерживал вас, лорд Гальмет высказывался в том смысле, что...

– Что?

– Что, простите, мы сменили шило на мыло. Имея в виду вас и ваше правление.

Ионея поморщилась.

– Я не думаю, дорогой Бруно, что стоит так сильно переживать из-за одного старого дурака, который решил побурчать в адрес власти.

– Вы правы, Ионея, но... Дело несколько усложнилось. Гальмет зашел к Фонзу. Они долго выясняли отношения, чему есть множество свидетелей. Лорды весьма активно нарушали покой граждан. А потом, по словам очевидцев, в доме Фонза стали летать молнии и огненные шары, случился по-

жар, к утру дом сгорел дотла. Оба лорда мертвы. Очевидно, что причина несчастья – боевая магия. Можете представить, как эта история будет смотреться сразу после той, что освещена в сегодняшних «Огнях Вероллы». Она не просочилась в прессу только потому, что все газеты к моменту пожара уже ушли в печать. Но завтра...

Старик запнулся под взглядом молодой правительницы. Опустил взгляд.

– Что вы предлагаете, лорд Бруно? – с ледяным спокойствием спросила Ионея.

– Может быть, стоит попробовать замять это дело?

Ионея отставила чашку с отваром. Завтрак был испорчен, как и настроение. Аппетит пропал, как не бывало. Накатило раздражение.

– Вы предлагаете мне убрать свидетелей? Или бегать по верольским редакциям и подкупать журналистов?

– Есть специальные люди...

– Нет. – Правительница резко встала. – Шила в мешке не утаишь. Да и ничего это не изменит. Замнем историю с двумя дураками сегодня, завтра появятся новые дураки. Нет, дорогой Бруно, это не выход.

– Но это история может нанести серьезный вред вашей...

– Мы не оставим так эту историю, – перебила Ионея. – Подготовьте указ. С завтрашнего дня любой маг, убивший или нанесший увечья при помощи магии, будет осужден и отправлен на острова. Подготовьте срочно, я подпишу. Ко-

пии ваши специальные люди разнесут по всем ведущим изданиям столицы. Я хочу, чтобы об этом знал каждый. Я хочу, чтобы завтра рядом с историей о двух зарвавшихся магах было мое обещание, что история эта будет последней.

Старик посмотрел на правительницу так, будто только что получил от нее пощечину. Совершенно незаслуженную.

– Но вы же обещали развязать магам руки. За вами пошли, вас поддерживали только потому, что вы обещали...

– Я не запрещаю пользоваться ножом, – оборвала Ионея. – Я только не даю разрешения резать им всех подряд. Вы можете хранить ружье, ходить с ним на охоту. Но если вы пойдете и застрелите соседа, одолжившего и не вернувшего щепотку соли, вы будете сосланы. Вы понимаете меня, Бруно?

Лорд кивнул отяжелевшей головой.

– Прекрасно. В таком случае подготовьте указ. Жду вас через час. Вы свободны.

Старик насупился, но смолчал. Развернулся и вышел. Тихо захлопнулась дверь. Правительница повернулась к Лане. Ученица поспешила отвести взгляд, но взгляд этот Ионее не понравился.

– Что?

– Он обиделся, – тихо сказала девушка. – Многие обидятся, если подписать этот указ.

– А другие многие обидятся, если его не подписать, – сердито огрызнулась Ионея. – И вообще, ты пришла учить своего учителя?

– Нет, – покачала головой Лана. – Я пришла просить разрешения оставить это здание.

Перед глазами потемнело от злости. Ионея выдохнула, заставляя утихнуть раздражение.

– Хочешь меня бросить? Не нравится то, что я делаю?

Она посмотрела на ученицу, та не ответила, только отвела взгляд.

– Моралисты. Идеалисты несчастные. Свободу вам подавай. Я дала определенную свободу. И что? Отсутствие ограничений хорошо тогда, когда у каждого есть свой внутренний стопор. Свое табу, мораль, правила какие-то. А если при снятии ограничителя люди идут вразнос, значит, снимать ограничитель нельзя.

– Маги поддержали только потому...

– Они получили что хотели, – оборвала правительница. – И не сумели этим воспользоваться. Потому я ввожу ограничение. Не такое жесткое, кстати, как было прежде. И не зли меня.

Лана поднялась с кресла.

– Я... – начала она осторожно.

– Нет, – отрезала Ионея. – Ступай к себе. Обо всем остальном поговорим позже.

– Здравствуйте, госпожа Ионея. – Голос был знакомым, тембр – приятным, но само появление этого голоса не предвещало ничего хорошего.

Вокруг клубился туман. Густой, непроглядный, неестественно мохнатый.

Ионея повернулась. Сноходец стоял за спиной. Крепкий, безликий и опасный. Зеленый балахон укрывал фигуру. Капюшон прятал лицо, отбрасывая глубокую тень.

– Где мы?

– Во сне, – отозвался гость. – Все как обычно. Просто декорации для этого сна не создано, но если угодно...

Туман поредел, осел ниже. Из непроглядной ватной дымки вырисовались очертания кабинета. Стол, кресло. Статуэтка идола на столе. Туман таял на глазах, стелился уже лишь по полу. Ионея снова повернулась к визитеру. Тот стоял у окна ее кабинета в здании Консорциума спиной к правительнице и смотрел на город. Дымка растаяла окончательно. Кабинет приобрел знакомый вид, хоть и был лишь иллюзией.

– Теперь мы можем поговорить? – донеслось из-под капюшона.

Правительница кивнула, не боясь, что стоящий спиной гость не увидит этого жеста. По опыту знала: во сне сноходец видит все.

– Чудесно. Сударыня, если вы помните, я говорил вам, что грядет война. Возможно, вы даже вспомните мои слова о том, что в этой войне мы с вами союзники.

– Припоминаю, – мягко отозвалась Ионея.

– Я говорил также, что ничего не требую от вас. Только попросил о пустяковом одолжении.

Ионея поежилась.

– К чему вы клоните?

– Я просил вас о пустяковом одолжении.

– Я помню, – повторила Ионея с нажимом. – Вашу книгу ищут.

Сноходец повернулся. На правительницу посмотрел низко опущенный капюшон. Интересно, а у него вообще есть лицо? Вот бы сдернуть капюшон и заглянуть в тень, хотя бы увидеть, что он там прячет.

– Боюсь, вы неверно меня поняли. Это война. Просьбы начальства в такое время воспринимаются как приказ.

Ионея звонко рассмеялась. Получилось не так беззаботно, как хотелось бы.

– Я не солдат, а вы не мой генерал. Я правитель Объединенных Территорий Консорциума. А вы всего лишь мне снитесь.

Капюшон легко покачнулся. Человек в балахоне не то напугался, не то улыбнулся.

– Вы сейчас пытаетесь совершить ошибку, – сказал бесцветно. – Но я вас от нее уберегу. Мы сделали вас правите-

лем ОТК в надежде обрести в вашем лице союзника. Если вы считаете нас врагами, мы легко поставим на ваше место другого, более дружелюбно настроенного человека.

– Все это слова. Вы говорите, что я пешка, которую легко заменить? Но я знаю, как я добилась своего места. Возможно, в этом сыграла роль чужая воля, но лишь отчасти. И я не та пешка, которую легко поменять, иначе бы вы со мной не говорили. Скажете, я не права?

Сноходец помолчал. Что происходило под капюшоном? Незванный гость напряженно думал или с издевательской усмешкой выдерживал театральную паузу?

– Вы воюете не с теми, – прервал он наконец тишину бесцветным голосом. – Вы получили власть, пытаетесь ее удержать. Упираетесь в кучу проблем, о которых даже не думали. Одна из этих проблем – я. Вы видите во мне угрозу, и совершенно напрасно. Вы не знакомы с другой стороной. Поверьте, если бы вы с ними столкнулись, вы были бы сговорчивее. Впрочем, вы вскоре с ними познакомитесь.

– Это угроза?

– Нет, – качнулся капюшон, и Ионея почувствовала неодолимое желание его сдернуть, – констатация. Вы же, как и ваши предшественники, не контролируете свою страну. Вас хватает лишь на столицу и пригород. Это много, но это не все Объединенные Территории. А между тем на Западе уже зреет сила, которая способна вас сместить. Эту силу поддерживаем не мы, а наши противники. Так что если вы не станете-

те выполнять наши пожелания, очень скоро вы столкнетесь с ними. Но в том случае, если вы решите, что мы не друзья, мы просто не станем вас поддерживать, и славные годы правления Ионеи Лазурной закончатся, не успев толком начаться. Можете попробовать, убедитесь сами.

Ионея посмотрела на собеседника.

– С нами полезно дружить. Поверьте мне.

– Человек, который прячет лицо, не очень располагает к доверию. Вы не находите?

– Не нахожу, – в голосе сноходца теперь явственно послышалась улыбка. – Мое лицо ничего не изменит, увидите вы его или нет. Как ничего не даст мое имя. Я для вас – голос первомагов, как вы изволили выразиться.

– Откуда мне знать, что голос истинный и вы в самом деле имеете какое-то отношение к первым?

– Ниоткуда, – согласился человек в балахоне. – Здесь вам придется поверить мне на слово. Впрочем, есть некоторые факты в пользу моих слов. Много ли ваших знакомых магов просят вашей аудиенции во сне?

Ионея смирила зеленый балахон оценивающим взглядом.

– Допустим.

– Я рад, что разум возобладал над эмоцией, – озорно сказал сноходец. – Собственно, мы хотим всё того же, о чем я просил вас уже три раза. Но если вы не понимаете просьбу и не терпите приказов, считайте это настоящим пожеланием. Нам очень нужно, чтобы вы направили все свои силы

на поиск книги, о которой я говорил. Мы хотим, чтобы это стало для вас первостепенной задачей.

– Хорошо, – согласилась Ионея. – Я уделю этому вопросу максимум внимания. А чего хочу я, вас не интересует?

– Вы хотите спокойно жить и править. Вы хотите власти.

– Власть я уже получила. И власть не была самоцелью. Я хочу благоденствия для своего народа.

– Это громкие слова, – покачал головой сноходец. – Вы хотите удержать власть, которую получили. Вы хотите спокойной жизни. В определенной ситуации вы, как любой нормальный человек, захотите жить. Если не станете спорить, то будете жить, радоваться и получите власть над куда большим образованием, чем ОТК.

Ионея смотрела на капюшон, сдерживая зуд в пальцах.

– Итак, мы договорились о сотрудничестве?

– Я приложу силы, чтобы найти вашу книгу, – уклончиво отозвалась Ионея.

– Чудесно. Вы хотите еще чего-то, помимо того, о чем я сказал?

– Да, – неожиданно даже для себя сказала Ионея и сделала шаг, сокращая расстояние между собой и сноходцем.

Рука правительницы резко взметнулась вверх. Пальцы на удивление легко ухватили край капюшона. Она рванула ткань в сторону, обнажая голову ночного гостя.

Под капюшоном клубился туман. Густой, ватный.

Ионея отступила. Сноходец расхохотался.

– Великие духи! Девочка, какие же наивные у вас желания. Глупые, дерзкие и незначительные.

Гость поднял руку, расстегнул балахон и сбросил. Под тканью не было ничего, лишь сотканная из тумана фигура. Дымный силуэт.

– Вы не...

– Я сноходец, сударыня, – весело ответил туман. – И мы во сне. Это моя территория, место моей силы. Здесь я могу быть кем угодно и чем угодно. И вы здесь можете быть кем угодно. Мне. Или не быть вовсе.

Ионея подняла руку и вскрикнула. Кисть ее на глазах становилась прозрачной, растворялась в воздухе. Правительница подняла на собеседника беспомощный взгляд.

Сноходец невероятным образом стоял в нескольких шагах от нее. На нем снова был зеленый балахон, капюшон скрывал лицо, или что там было на самом деле.

– Запомните, девочка, сейчас я для вас – все. А вы без меня – пустое место.

Ионея наклонила голову, посмотрела на себя, но не увидела ничего.

Ночной визитер еще раз хихикнул, а потом все заволкло туманом...

Ионея проснулась. Сердце колотилось с невероятной скоростью. Она была в своей комнате, и... она была. На столике возле кровати стоял идол, улыбался. И хотя она никогда

не видела улыбки сноходца, почему-то показалось, что это была именно его улыбка.

– Госпожа. – Бруно ждал у дверей кабинета. Выражение лица у старого мага было настолько мрачным, что от одного вида тянуло повеситься.

После ночной болтовни со сноходцем Ионея чувствовала себя разбитой и невыспавшейся. Усилием воли поднялась с кровати, заставила себя принять ванну, одеться и вовремя выйти к завтраку. Завтракать не хотелось. Ковыряться в почте и прессе – тем более. Не хотелось вообще ничего. А тут еще обиженный старик с кислой рожей подпирал дверь явно не для того, чтоб обрадовать хорошими новостями. Правительница кивнула, разрешая открыть дверь и войти. Старый маг повиновался, хоть и с неохотой. Видно, в самом деле обижен последним указом. А чего они хотели? Вечного праздника непослушания?

Ионея закрыла дверь, прошла к столу.

– Бруно, вы будете завтракать?

Лорд покачал головой.

– Ладно, духи с вами. Выпейте отвара. И не перечьте.

Правительница села к столу, плеснула в две чашки. Помощью прислуги она пользовалась крайне редко и только напоказ. В повседневности подносящие, подающие, убирающие, открывающие и закрывающие двери надоели ей на вторую неделю пребывания в здании Консорциума, и она распоря-

дилась оставить на этаже, где располагались ее апартаменты и рабочий кабинет, только охрану. Остальная прислуга была выдворена на этаж ниже и появлялась в исключительных случаях. Так было проще. А в отсутствие постоянных лишних глаз и ушей – еще и спокойнее.

Лорд молча принял чашку.

– Вы так и станете молчать, Бруно? Ведь не для того же вы стояли под дверью и ждали меня с самого утра, чтобы помолчать с упаднической миной.

– Не для этого, госпожа, – кивнул старик. – Есть новости. Не знаю, с каких начать.

– Начните с плохих, – предложила Ионея.

– А хороших и нету, – желчно отозвался старик.

Все же старый лорд обижен. Сдерживается, но обида глохнет. И несогласие прямо-таки выпирает.

– Если все так плохо, чего вы терзаетесь? Начните уже с чего-нибудь.

– Хорошо. – Бруно отставил чашку. – Я не стану показывать вам всю свежую прессу, посмотрите потом сами, если будет желание. Но ваш указ вызвал довольно серьезный резонанс. Журналисты просто визжат от восторга. Особенно отличились «Огни Вероллы».

Рука старика скрылась где-то в складках одежды, появилась вновь с газетой.

– Поглядите. Первая полоса. За авторством Санчеса О'Гирры.

Ионея приняла сложенную газету, глаза побежали по строчкам. Старик хитрец. Обещал не подпихивать прессу, но что посчитал нужным – все же ненавязчиво подсунул.

Взгляд споткнулся, зацепился за слово, другое. Ионея побледнела.

– Что он себе позволяет, этот борзописец?

– Свободная пресса, – пожал плечами Бруно. – Это только начало. Может быть значительно хуже.

– Хоть цензуру вводи, – пробормотала Ионея. – Ладно, пусть пишут что хотят. Собака лает – ветер носит. Журналисты – это ерунда.

– Журналисты – возможно. С магами сложнее. Лорды поддерживали вас, пока вы обещали им определенные свободы. Они поддерживали вас, когда вы эти свободы им дали. Теперь...

– Теперь они тоже имеют определенную свободу, – обрвала Ионея. Эта тема начинала злить.

– Да, – согласился старик мрачно. – Но вы снова закручиваете гайки. Пока немного. А что будет потом? Кое-кто уже задумывается об этом. Начинается нездоровое шевеление. Вы не думали, что будет, если лорды начнут дружить против вас? А они начнут.

– Это всего лишь маги. А что простые смертные?

Бруно покачал в руке чашку с остатками отвара.

– Большинство приняло указ благосклонно, – признал он.

– Видите, дорогой мой, мой народ меня поддерживает.

А маги – это всего лишь маги.

– Смею напомнить, что своим текущим положением вы обязаны не уличной толпе, которую вы называете народом, а тем самым магам.

Ионея посмотрела на старика. Нет, пока в нем горит обида, толку от лорда не будет. Правительница резко поднялась. Старик вздрогнул от неожиданности, едва не расплескав отвар.

– Идемте, лорд, – сказала она решительно.

Всю дорогу от кабинета до личных апартаментов Бруно озирался по сторонам, будто ждал подвоха. Еще бы, в этом уголке здания не бывало никого, кроме старших чинов личной охраны и специально отобранных горничных, занимающихся уборкой.

Ионея остановилась посреди коридора, толкнула дверь.

– Проходите.

Бруно сунулся было внутрь, отшатнулся, словно его заставили сделать что-то непристойное.

– Госпожа, это спальня, я...

– Проходите, – жестко потребовала правительница.

Смешно потупившись и смутившись, старик нырнул внутрь. Остановился на краю комнаты, глядя на мохнатый ковер на полу.

Ионея прошла мимо, села в кресло возле журнального столика. Кивнула старику на второе.

Бруно, воровато оглядываясь, подошел ближе, сел. Ком-

ната была обставлена дорого, но довольно аскетично. Никакой вычурности, никакой излишней роскоши, которой обычно окружают себя люди с дурным вкусом, нечаянно дорвавшиеся до власти.

Правительница взяла со столика древнюю статуэтку, протянула магу.

– Взгляните.

Лорд принял старинную фигурку. Идол смотрел без тени эмоции. Улыбки, которая мерещилась на нем сразу после пробуждения, не было и в помине.

– Знаете, что это?

– Не знал, что вы почитаете древних богов, госпожа, – тихо проговорил лорд.

Ионея протянула руку ладонью вверх, требуя назад вещь. Взяла идола, поставила на столик.

– Древние боги, дорогой мой, здесь совершенно ни при чем. Я пригласила вас сюда и показала эту безделицу только потому, что в вашем лице мне нужен союзник, а не обиженный ребенок с седой бородой. Когда я обосновалась в этом здании, ко мне пришел человек и подарил эту фигурку. Он подарил ее мне отнюдь не для того, чтобы я молилась. Вы знаете, кто такие сноходцы?

– Этим искусством владели древние, госпожа, – осторожно проговорил Бруно. – Первوماги. Но я не понимаю, при чем здесь...

– При том, что этот человек подарил мне эту дрянь, чтобы

при помощи статуэтки приходите ко мне во сне.

Лорд впервые оторвал взгляд от пола и посмотрел на Ионею открыто. По глазам было видно, что старик сомневается. Не то правительница спятила, не то врет, не то...

– Этого не может быть, – хрипло произнес он.

– Он приходит ко мне во сне когда ему вздумается, Бруно. Он не показывает лица, но говорит от имени первомагов. И он может то, чего не может никто из самых могучих магов, живущих в ОТК или на Диком Севере.

Старик сидел ошарашенный и подавленный. На лице его отражался целый букет чувств.

– Но это... это...

– Это факт, – спокойно сказала Ионея. – Видите ли, Бруно, ко мне приходят первомаги, говорят, что они посадили меня в это кресло, и требуют от меня что-то по той причине, что своим положением я обязана им. Ко мне приходят веролльские лорды, говорят, что они привели меня в здание Консорциума, дали мне власть, и на основании этого требуют от меня что-то. Я не знаю, кто придет ко мне завтра и что еще потребует. Я скажу вам так: даже если все это правда, своим текущим положением я обязана в первую очередь себе. И мне небезразлично, что будет с ОТК. Первомаги предрекают Территориям Консорциума скорую смерть. Лорды озабочены только собой. Журналисты... эти выжмут скандал из любой темы. А мне не наплевать на Объединенные Территории. Именно поэтому я здесь, и именно поэтому

я не стану подстраиваться ни под магов, ни под первомагов, ни под кого бы то ни было еще. И говорю я вам все это только потому, что именно в вашем лице, лорд, я видела союзника.

Старик ссутулился, сидел задумчивый, скрестив руки на груди. Хмурился.

«Подцепила», – подумала правительница. Лорд попался на крючок, начал думать. Это хорошо. И она заговорила снова. Ничего не скрывая и не щадя старика. Сейчас не было места для уважения к сединам, сейчас наступило время для правды. В конце концов, не может же она одна решить все проблемы Консорциума. Нужны люди, на которых можно положиться.

Лорд слушал, не перебивал, не спрашивал. Брови мага сошлись на переносице, взгляд блуждал где-то не здесь.

– Бросайте обиды, Бруно, – закончила Ионея. – Мне нужен помощник, а не обиженный амбициозный ребенок, у которого отняли игрушку.

Старик помолчал, произнес многозначительное «м-да» и снова умолк.

Правительница ждала.

– М-да, – повторил Бруно. – Я вас понимаю, госпожа, и поддерживаю, но тогда проблем у нас еще больше.

– Говорите, – велела Ионея.

– Утром с Западных Территорий пришел пакет. Если коротко, то Запад отторгает новую власть в вашем лице. Западные Территории Консорциума против засилья магии. А бла-

годаря последним техническим разработкам у Запада достаточно мощи, чтобы объявить о своей самостоятельности. Если мы не признаем их отделение, они готовы воевать против ОТК, тем более что воевать им придется только против Вероллы.

Правительница выругалась недостойно молодой женщины и тем более правительницы.

– Я предупреждал, что хороших новостей нет, – тихо проговорил Бруно.

Ионея поджала губы. Все рассказанное стариком подтверждало слова сноходца. Кем бы ни был ночной гость, независимо от того, имел он отношение к первомагам или нет, знал безликий в балахоне на порядок больше нее.

– Хорошо, Бруно. Отправьте посольство в Западные Территории. Я хочу мирного диалога. Пусть приедут и озвучат свои требования мне лично. Такие вещи не доверяют бумаге. Далее, поднимите все возможные связи, поставьте на уши всех лояльных нам лордов. Мне нужно хотя бы понимание того, что это за книга.

– А сама книга вам не нужна?

– Саму книгу будут искать специально обученные люди. Хотя... Любая информация, разумеется, окажется кстати.

Лорд поднялся, поклонился. Обиды больше не было. Похоже, она все-таки нашла союзника. Человека, на которого можно положиться.

– И пригласите ко мне Лану, – попросила она.

Старик снова потупился. Рука привычно скользнула под одежду, вытащила из складок сложенный вчетверо лист.

– Прощу прощения, госпожа, ваша ученица ночью покинула здание Консорциума и скрылась в неизвестном направлении. Вот записка. Она передала ее через охрану.

На мгновение в глазах помутилось, и правительница поблагодарила всех духов, что не стояла в этот момент, а сидела в кресле.

– Хорошо, – произнесла она упавшим голосом. – Ступайте, Бруно. Пусть подготовят мобиль, мне нужно ехать. Увидимся позже.

Когда дверь за лордом закрылась, она развернула сложенное вчетверо послание. Бумага дрожала в тонких холеных пальцах.

Ионей прочитала записку раз пять. Смысл не хотел укладываться в голове, протекал мимо. Наконец она поднялась из-за стола, скомкала листок и бросила в камин.

Бруно был прав, хороших новостей сегодня не было. И там, где она с большим трудом нашла одного союзника, удивительно легко потеряла другого. Лана находилась рядом много лет. Она практически стала тенью. Привычной, молчаливой, послушной. В отличие от старика лорда, ей в самом деле было на что обижаться. Здесь речь шла не об абстрактных желаниях и капризах магической элиты. Здесь имела место вполне понятная человеческая обида. Она обидела ученицу и постаралась этого не заметить, слишком за-

нятая прежде, чтобы просто побеседовать. А теперь говорить поздно.

Не с кем стало говорить.

Жорж Деранс нервничал. Редко кто-то мог довести его до подобного состояния. У женщины, что сидела напротив, это получалось с завидным постоянством. Красивая, молодая, уверенная в себе. Она второй раз удостоила капитана визитом, и второй раз Деранса трясло, как осину на ветру. И если прошлое посещение было неожиданным и вгоняло в волнение, то теперь, когда она явилась в его кабинет второй раз, поводов для переживаний возникло значительно больше.

– Итак, я вас слушаю.

– Как вы просили, госпожа...

– Я не просила, – оборвала Ионея.

Деранс качнул головой, как игрушечный болванчик.

– По вашему приказу мы подняли все документы по делу лорда Мессера и его ученика Пантора. Все бумаги, которые проходили через нас, все документы, все, что было конфисковано.

Он посмотрел на высокую гостью. Ионея сидела с непроницаемым видом, смотрела мимо. Не то слушала, не то была занята своими мыслями.

– Книги не обнаружено. Упоминаний о ней тоже найти не удалось. Далее мы провели обыск в усадьбе осужденного Мессера и в доме его ученика. В доме Пантора было обна-

ружено более трехсот книг. Ничего похожего на то, что вы ищете, не найдено. В усадьбе лорда Мессера – более восьми тысяч шестисот книг. Из них по содержанию под интересующую вас тематику попадают более семисот томов. По внешнему виду под ваше описание отчасти подходит четырнадцать книг иного содержания. Вот список. Книги арестованы и лежат в хранилище, хотите взглянуть?

Ему казалось, что женщина не ответит или ответит невпопад, потому что все это время она явно его не слышала, витая где-то в своих мыслях. Но Ионея откликнулась мгновенно:

– Нет. У таких книг не переклеивают обложки. Даже для того, чтобы замаскировать и сохранить от чужих посягательств. Впрочем, давайте свой список, погляжу на досуге ради любопытства.

Тонкая кисть повернулась к нему, чуть вытянулась вперед в требовательном жесте. Деранс отдал листы с перечнем найденных книг. Не тех книг. Сам знал, что все это не то, но надо же как-то отчитываться.

Список вибрировал. У капитана дрожали руки.

– Да не тряситесь, капитан, – поморщилась Ионея.

– Простите, госпожа. Здесь сыро и сквозняки. Я не вполне здоров, и меня знобит.

Оправдание вышло жалким. Ионея кинула на капитана косой взгляд, ухмыльнулась и уткнулась в список.

Деранс ждал. Женщина легко и властно подняла руку,

качнула кистью, продолжай, мол. От бумаг не отрывалась.

– После обыска мы провели повторное детальное расследование как по делу Мессера, так и по делу Пантора. Упор был сделан на поиск книги. Лучшие мои люди повторно прожили за этих магов последние месяцы их пребывания в ОТК.

Ионея перелистнула страницу.

– И?..

– Книги нет, никаких следов ее существования не обнаружено. Никаких упоминаний о ней не найдено.

– Чудесно. – Ионея оторвалась от списка и улыбнулась.

Улыбка вышла совсем не такой благородно-снисходительной, как на портрете. На них показывали справедливую и сильную мать народа. В ее улыбке было море справедливости и внимания к каждому, кто глядел на изображение властительницы.

Та улыбка, которой удостоился теперь Деранс, имела мало общего с портретной и не предвещала ничего хорошего.

– Вы искали книгу столько месяцев и не нашли даже подтверждения ее существования? Ваши лучшие люди – дилетанты. Я видела материалы дела Мессера. Тот обряд, за который он попал под суд, – вот прямое свидетельство существования книги.

Ионея говорила спокойно, но в этом спокойствии таилась буря, готовая вырваться наружу.

– Простите, госпожа, мои люди не так тонко изучили магию, бывшую под запретом, как вы.

– И потому что ваши люди некомпетентны, вы скармливаете мне эту ерунду? – Женщина яростно швырнула на стол список. – Или вы надеетесь, что я понимаю еще меньше, чем ваши недалекие неумехи?

Деранс съежился. Дрожь исчезла, как не бывало. Пришло холодное четкое понимание, что он стоит на самом краю пропасти, едва удерживая равновесие. И если ветер дунет и качнет его не в ту сторону, все кончится печально. Полетит капитан. С громким треском полетит. И тут уже не до трясушки.

– Простите, госпожа, – осторожно начал он, – но отрицательный результат – тоже результат. По крайней мере мы исключили массу вариантов.

– Дорогой мой капитан, – холодно произнесла Ионея. – Мне не интересны исключенные варианты. Мне нужен один исключительный результат. Что вы намерены делать?

Капитан потер ладони. Руки были влажными и липкими от страха, но гроза, кажется, проходила мимо.

– Если никаких следов книги не осталось, а она, как уверена госпожа, была, значит, остается только отправить людей на острова, найти Пантора или Мессера и вытряхнуть из них подробности. Уж владелец книги знает о ней всяко больше, чем сторонние свидетели.

– Прекрасно, – кивнула Ионея. – Надеюсь, в вашем ведомстве умеют «вытряхивать подробности».

– Можете не сомневаться, – изящно склонил голову Де-

ранс.

– Прекрасно, – повторила высокая гостья. – В таком случае вы лично отправитесь на острова и если не найдете книгу, то вытряхнете все самые мельчайшие подробности о ней и ее местонахождении.

Женщина встала. Деранс угодливо подскочил следом.

– Не провожайте меня, капитан. Лучше займитесь сборами. У вас не много времени.

Деранс поклонился. Ионея вышла. Тихо хлопнула дверь, и Жорж остался в кабинете один. Лишь висел на стене портрет новой главы ОТК и витал легкий пряный запах ее духов.

Капитан посмотрел на портрет и кисло улыбнулся. Ехать на острова не хотелось, но лучше отправиться туда в командировку, чем быть сосланным. А последний вариант весьма прост в исполнении. Уж это Деранс знал очень хорошо в силу своей работы.

– Как будет угодно, госпожа, – тихо произнес капитан и поклонился портрету.

Орландо оказался прав: городскую охрану интересовало лишь то, что происходит в городе. Или беглецам просто повезло. Так или иначе, их никто не преследовал.

Путешествие через лес вглубь острова можно было назвать даже скучным. А чего интересного? Днем они шли по лесной дороге. Иногда сворачивали с нее чуть в сторону, когда возникало опасение нарваться на лихих людей или нелюдей. Впрочем, опасения были напрасными. Здесь никто не промышлял разбоем.

На четвертый день вышли к одинокой сторожке. Хозяин крохотного домика на опушке леса – старый маг со странным именем Тюссон, – увидев гостей, даже обрадовался.

– У меня никто не бывает, – жаловался он, собирая на стол, суетясь с горшками и кувшинами. – Уже много месяцев. Я ведь здесь, почитай, лет сорок живу. Прежде все время заходили. Всякие. Чаше чем-нибудь поживиться, реже просто мимо шли.

– А сейчас? – вежливо спросил Пантор, хотя ответ был ясен заранее.

Тюссон поставил перед молодым магом миску с бобовой похлебкой. Сел напротив.

– Приятного аппетита. А сейчас никого. Даже разбойников не стало. Со стороны берега они давно перевелись. Вла-

сти постарались. А теперь и на всем острове их тоже не стало. Как появился Витано, так пропали разбойники. Говорят, правитель города с ними безжалостен.

Орландо демонстративно отвернулся к окну. Про местных разбойников и он, и Пантор были наслышаны. Большую часть тех, кто грабил на дорогах, составляли как раз мертвяки.

– А я слышал, что правитель Витано благоволит неживым. Старый маг посмотрел на Орландо, перевел взгляд на Пантора.

– Упырям-то? Благоволит. Так вы не путайте мертвяков с бандитами. Если большая часть бандитов неживые, это вовсе не значит, что каждый мертвяк – бандит.

– Редко встретишь человека, который это понимает, – подал голос Орландо.

– Я многое понимаю, заблудшая ты душа. Уж вас-то, горемык, точно.

– Чтобы понять мертвого, надо умереть, – нахмурился громила.

– Ты преувеличиваешь, – покачал головой Тюссон. – Ты не глуп, но заикнулся на своей беде. Вместо того чтобы пережить и отпустить ее, ты смотришь сквозь нее на мир.

Молодой маг хлебал из миски и помалкивал. Старик легко говорил о том, о чем сам Пантор много думал и никак не мог уложить мысль в слова.

– Все это ерунда, – пробухтел Орландо. – Нет никакой бе-

ды. Есть черта. До нее ты живой, за ней ты мертвый. Потом еще одна черта. До нее ты мертвый, за ней...

Он сбился. Старик смотрел на мертвяка с прищуром.

– Что за ней? Ты снова живой?

Орlando вздрогнул, словно его неожиданно ударили по лицу. Хотя пощечина не вызвала бы у мертвяка такой реакции.

– Нет, – заговорил он зло и быстро. – Не живой. Сердце не бьется. Тело медленно гниет. Я ничего не чувствую.

– Сейчас ты чувствуешь обиду, – заметил старый маг.

– Я не чувствую, как дует ветер. Не чувствую солнечного тепла. Не чувствую капель дождя на коже. Мне недоступен вкус еды. Я даже не чувствую запаха этой похлебки.

– Знавал я мертвяков, которые чувствовали запахи. А уж скольких живых знавал, которые чувствовали вкус еды, но не чувствовали вкуса жизни, – усмехнулся Тюссон. – Ты застрял у своей черты и тоскуешь о том, чего не стало, вместо того чтобы ценить то, что осталось.

– Ты ничего об этом не знаешь, старик.

Орlando резко развернулся и вышел.

Старый маг посмотрел на захлопнувшуюся за мертвяком дверь с хитрым прищуром. Вздыхнул.

– Он прав.

– Что? – не понял Пантор.

– Он прав: я старик. Я прожил очень долгую жизнь, и мне осталось очень мало. Поэтому он не прав: я знаю об этом

больше него. Бедная заблудшая душа. А ты молодец, что не бросаешь его. Не бросай. Есть люди, которым нужно внимание, что очень мало и вместе с тем очень много.

– Он ведь не человек.

Тюссон поглядел на молодого мага с осуждением.

– Плохо сказал. Мне казалось, ты понимаешь, а ты не понял. Судить об окружающих должно только по делам. Не слушай, что тебе говорят, слова – ложь. Не смотри на внешность, она обманчива. Не копайся в родословной, не гляди на кровь, не обращай внимания на убеждения. Все это тлен. Важен только поступок.

Пантор отставил миску и поднялся.

– Спасибо.

– Ступай, – кивнул старик. – И не бросай его. Ты ему нужен больше, чем он тебе.

Молодой маг легко опустил голову в полупоклоне и вышел.

Снаружи было свежо. Пахло хвоей, прелыми листьями и грибами. Лес выглядел приветливо, если не считать мрачного Орландо.

– Ну, чо тебе еще этот старый хорек наговорил? – грубовато поинтересовался мертвяк.

– Мне кажется, ты ему понравился, – уклончиво ответил Пантор.

– А он мне – нет. Идем отсюда.

И мертвяк пошел прочь от гостеприимной сторожки.

Не то обиделся, не то задумался о чем-то. Так или иначе, до вечера они больше не разговаривали.

Жорж Деранс стоял на верхней палубе и устало наблюдал, как ссаживают на берег ссыльных. Процедура была отлаженной, но очень уж неспешной и заунывной. С такой тщательностью пропускали журналистов в здание Консорциума, когда правительство решало устроить пресс-конференцию.

Чего они тянут? Нет, чтобы прогнать всех толпой. Много чести возиться с каждым.

Капитан обернулся и стремительным точным движением, достойным кобры, схватил за рукав пробегающего мимо матроса. Тот оторопел от неожиданности, но быстро пришел в себя.

– Чем-то могу помочь?

– Слушай, долго еще это будет продолжаться?

– Что? – не понял матрос.

Деранс кивнул на сходни.

– Мне нужно на берег.

– Здесь редко сходит кто-то, кроме заключенных, господин капитан. И редко кто-то поднимается. А для заключенных есть стандартная процедура. Пока не очистят нижние палубы и не выпустят ссыльных, никто не спустится. Таковы правила, господин капитан. Наберитесь терпения.

– И долго ждать?

– За час управятся.

Деранс кивнул моряку, отпустил руку и набрался терпения. Ждать капитан не привык, потому следующий час превратился для него в вечность. И не сказать, что эта вечность была самой приятной в его жизни.

На берег он сошел злой, как попавший в клетку хищник. Глаза сверкали ненавистью ко всему, что его окружало, лицо стало жестким, черты воинственно заострились. Разве что не рычал и хвостом не бил.

Порт встретил капитана недружелюбно. Здесь было грязно, мрачно и уныло. Громоздились невысокие серые здания, похожие друг на друга в своей заплеванности и неприглядности. На узких проулках между ними, кажется, не убирали вовсе, а если и убирали, то раз в год по обещанию кое-как.

Люди, работающие здесь, тоже были под стать окружающему пейзажу. Хмурые, злые, грязные, одетые в обноски. Большинство из них были мертвяками, а случающиеся живые внешне не сильно отличались от мертвых. Лица небритые, глаза пустые. Правда, один грузчик поглядел на него с чувством. И в этом взгляде было столько ненависти, что Деранс поежился.

Обстановочка в городе не вызывала радости. Во всяком случае, в той части порта, где содержали каторжан, было так.

Капитан ссутулился, ускорил шаг. Очень хотелось побыстрее уйти отсюда. Узнать Жоржа здесь вряд ли кто-то мог. Он редко сам лично общался с заключенными, но большинство тех, кто тут корячился, прошли через его ведом-

ство. И Дерансу казалось, что на него смотрят недобро из-за каждого угла.

Так, ежась и сутулясь, он добрался до здания администрации приемника Лупа-нопа.

Начальник приемника оказался хмурым мужиком в возрасте. Его серое лицо напоминало лица тех, кого он принимал и рассортировывал, с той лишь разницей, что подопечные его были грязны и небриты. Деранс представил себе начальника с недельной щетиной и в обносках, нахмурился.

Когда в руководстве сидит то же самое, что тягает ящики в порту, хорошего не жди.

– Чего надо? – пробухтел начальник.

Голос у него был низкий, с придыханием.

– Вы не очень любезны, – фыркнул Деранс, – впрочем, откуда взяться манерам в вашей дыре. Меня зовут Жорж Деранс, вот документы.

Капитан протянул удостоверение, отодвинул кресло и, не дожидаясь приглашения, сел. Принялся оглядывать небогатую обстановку комнаты: большой стол, кресла. Несколько шкафов, за стеклами одного из которых высились бутылки и стаканы. На стене, над креслом начальника, что стояло во главе стола, висел привычный портрет. Непривычно было то, что на нем был сам начальник. Впрочем, привычные портреты с изображением Ионеи, нескольких бывших шишек из Консорциума и, кажется, каких-то местных шишек стояли тут же рядом, прислоненные к стене.

Начальник изучил документ, вернул его хозяину, проследил за прикованным к ряду портретов взглядом, хмыкнул.

– Вам не нравятся эти картинки?

– Меня смущает отведенное им место.

– У нас здесь, знаете ли, не очень разбираются в том, что происходит на Большой Земле. У вас там каждый день кого-то нового вешают. Кого на стену, кого по решению суда.

– Вы плохо знакомы с современной историей, – пожурил Деранс.

Начальник ему не нравился, но ссориться не хотелось.

– Да плевать. Какой толк от любого из них на стене, если о них здесь большинство вообще не слышало. А те, кто слышал, торопятся забыть. А я здесь, во-первых, сила, во-вторых, константа.

– Не боитесь кидаться заявлениями? Ничто не вечно.

– А я и не говорю про вечность, – фыркнул начальник. – Но пока я жив, это место мое. И никто кроме меня его не займет. Это, знаете ли, не просто кресло. Здесь пахать надо. А пахать ни у вас, ни у нас никто не любит. Так что, пока я не сыграю в ящик, я константа. Ну а когда откину копыта, там уж мне все едино будет. Так что вам нужно, господин капитан?

– Мне нужно найти двух заключенных, – поспешил перейти к делу Деранс.

Он положил на стол папку с документами, выудил оттуда несколько страниц, протянул начальнику.

– Здесь имена осужденных. Статьи, по которым они осуждены. Дата и время отправки с Большой Земли.

Начальник принял бумажки, посмотрел бегло. Тяжело поднялся из-за стола и направился к шкафу. Деранс молча наблюдал за хозяином кабинета. Тот не спешил. Отпер шкаф с бутылками, достал одну, откупорил и плеснул в стакан. По комнате потянулся резкий сивушный дух.

Не предложив гостю, начальник опрокинул стакан, запер шкаф и полез в соседний. Здесь он ковырялся сильно дольше.

– Пантор, Мессер. Пантор, Мессер, Мессер, Пантор, – на-мурликивал он себе под нос.

Наконец выбрался из шкафа с какими-то бумагами. Вернулся к столу.

– Вот, – сообщил довольно. – Это ваш Мессер, а это ваш Пантор.

Деранс заглянул в бумаги, поднял на начальника непонимающий взгляд.

– Что это?

– Документы, господин капитан. Согласно этим бумагам Мессер, а следом и Пантор доставлены на остров. Вот даты приема. Вот личные номера. А это назначение обоих при распределении. Оба мага, и живой, и мертвый, на балансе. Оба функционируют.

– Функционируют? – Деранс приподнял бровь.

– Я бы сказал, что оба живы, но в отношении мертвяка это

звучит как-то странно. Но если б кого-то из них похоронили, у меня было бы уведомление об этом.

– Хорошо. И где они сейчас?

Начальник икнул. Пахнуло сивухой.

– Где-то на острове.

Капитан поморщился. Внимательно посмотрел на хозяина кабинета, не издевается ли. Если тот и издевался, то делал это настолько тонко, что распознать это было весьма проблематично.

– Вы смеетесь?

– Нет, просто я отвечаю только за приемник. После того как заключенные проходят регистрацию и распределение, ими занимаются другие люди.

– И где мне их искать?

– Это очень просто, – пояснил начальник. – Смотрим, куда их распределили, и...

И начальник уткнулся в бумаги.

К вечеру Жорж Деранс обошел еще четыре кабинета, устал и был недоволен.

Найти не удалось ни сосланного мага, ни его ученика. Они как сквозь землю провалились. По документам каторжники все время находились где-то рядом, но только по документам. Живьем ни того ни другого обнаружить не удалось. Их не было. Ни в порту, ни в городе. Нигде. Капитан даже забеспокоился, что каторжники перетрудились на принудительных работах и отправились к праотцам, но в очередном кабинете «дорогому Жоржу» намекнули, что мертвых душ здесь не держат.

– Зачем кому-то покойник на балансе? Дорогой Жорж, вы же понимаете, если бы Большая Земля ежемесячно выдавала нам дотации на содержание каторжников, держать покойников на балансе имело бы смысл. Но ведь нам никто за них не платит. Вы их присылаете сюда и успешно про них забываете. Далее эта наша головная боль. И при таком раскладе покойники нам совершенно ни к чему.

Господин, сидевший в пятом по счету кабинете, был тонок, изящен и всячески подчеркивал свою благожелательность. За что именно он здесь отвечает, Деранс так толком и не понял. Но сосланные уголовники каким-то боком касались сферы его интересов.

– Допустим, – сердито сказал Деранс. – Допустим, вам это невыгодно, но не могли же они сквозь землю провалиться.

– А никто не говорит, что они провалились. Остров большой.

– Что? – не понял капитан.

Благожелательный господин поднялся из-за стола и указал на висящую на стене вместо портретов карту.

– Это остров. Это город. Это порт. В определенный момент заключенные переходят на более свободный режим и... – Он замолчал и улыбнулся.

– Вы хотите сказать, что ваши заключенные вам неподконтрольны?

– Подконтрольны, но не все и не всегда.

Деранс почувствовал, как внутри зреет злость.

– Вы понимаете, что вы сейчас говорите? Мы ловим преступников, а вы...

Господин перестал улыбаться. Лицо его сделалось строгим, глаза – холодными.

– Это вы не понимаете, дорогой Жорж. Вы ловите преступников? Большинство тех, кого вы сюда ссылаете, не большие преступники, чем мы с вами. Вы просто очищаете себе жизненное пространство от неугодных. Вы шлете их сюда, не заботясь о том, что здесь происходит. Вы не бываете тут годами. Да какими годами – десятилетиями! А теперь вы приходите и что-то требуете. Почему? Потому что прислали нам не того, кого надо, и по какой-то причине уперлись

в ошибку. Мне не интересно, зачем вам понадобились эти маги. Это ваше дело. Вот сами его и решайте. А объяснять нам, как здесь жить, не надо.

Кровь отлила от лица. Бледный Деранс поднялся на ноги.

– Я этого так не оставлю, – прошипел сквозь зубы.

– Оставьте, – улыбнулся одними губами благожелательный господин. – Никому там, на Большой Земле, нет никакого дела до нас. Это устоявшаяся система. Мы избавляем вас от человеческого мусора и не лезем к вам. Вы не лезете к нам.

– Мы платим вам деньги.

– За то, что мы принимаем ваших заключенных. Но не за то, что мы их содержим. Я не хочу ссоры, дорогой Жорж. Если вы перестанете нервничать, я подскажу, где имеет смысл поискать ваших магов. Но я не могу знать точно, есть они там или нет. И никто из Лупа-нопа не полезет с вами вглубь острова.

Капитан стиснул зубы и задавил гордость. Тогда впервые прозвучало название «Витано». Город, якобы построенный магами в глубине острова.

Сейчас совершенно разбитый и невероятно злой Жорж Деранс шел по вечерней улице и напряженно думал. Поездка выходила совсем не такой, как казалось на первый взгляд. Если изначально все виделось простым и понятным: пришел, забрал заключенных, выбил информацию, – то на проверку оказалось, что выбивать информацию не из кого.

Остров жил совсем не так, как должен был жить, в представлении гражданина ОТК. Как местные власти могли допустить, что какие-то маги сбегут из-под стражи, устроят самостоятельное поселение. И не просто поселение, а...

В голове все это категорически не укладывалось. И тем не менее кое-что он разузнал. Теперь ему было известно, где с большой долей вероятности нужно искать. А еще ему, хоть и со скрипом, обещали выделить завтра утром десяток человек из городской охраны в сопровождение. Так что день был прожит все же не зря.

Деранс добрался до недорогой гостиницы, заказал ужин в номер, заперся и сел штудировать карту острова и местную прессу.

После ужина настроение улучшилось. Злость поутихла, а в голове стало возникать понимание местных реалий. Засыпал капитан с мыслью о том, что найти и поймать беглых магов будет куда проще, чем показалось вначале.

Ночью капитану снился чудесный город Витано и Пантор с Мессером в кандалах.

Вечерело. Солнце путалось в верхушках деревьев, почти скрывшись за кромкой леса. Мерзко гудели комары. Ноги привычно ныли. Пантор привалился к дереву и смотрел, как мертвяк с обычной неспешностью складывает хворост для костра. У Орландо ничего не болело, и усталости он не чувствовал. Если б не Пантор, мог бы идти, наверное, круглые сутки. Может, уже добрался бы до мифического города.

Впрочем, вера в реальное существование вдруг возникшего города Витано таяла с каждым днем. Они продирались сквозь лес вглубь острова уже несколько дней, а города или хоть какого-то намека на его существование не было. Лес редел, потом снова начал густеть. Стал мрачным. Дорогу по временам преграждали поваленные деревья, а в стороне от дороги то трещал бурелом, то хлюпало болото. И чем больше становилось этого болота, тем меньше оставалось надежды найти город.

Орландо закончил возню с костром, запылали сложенные шалашиком ветки. Отгоняя комарье, потянулся легкий дымок. Мертвяк довольно крикнул и принялся насаживать на прут грибы, что притащил из леса вместе с хворостом для костра. Глянул на Пантора, подмигнул:

– Чо насупился?

– Так... Думаю. Что там, в этом Витано? Я уже давно пытаюсь сбежать. Я знаю, от чего бегу, но не вижу к чему.

– Ты ищешь что-то лучшее...

– А кто сказал, что там будет лучше?

Орландо пожал плечами.

– Придем и посмотрим. Будет хорошо – останемся. Не понравится – уйдем.

– И сколько так уходить? Убегать? Искать, где лучше? Я вот иногда думаю: а может, просто пора смириться? Просто перестать бегать.

– Может, лучше просто перестать бояться? – невпопад спросил мертвяк, но Пантор не услышал.

– А что, если никакого Витано нет, что тогда? – Маг посмотрел на Орландо так, словно хотел найти на его неживом лице ответ на все вопросы.

– Витано есть, – отрубил тот.

– Откуда такая уверенность?

– Дыма без огня не бывает.

– Это точно, – подтвердил незнакомый голос.

Пантор подскочил на месте от неожиданности. Резко обернулся. По другую сторону поляны, на которой они устроились, стояло четверо мертвяков. Тот, что выступил на шаг вперед, смотрел дерзко, с наглой ухмылкой. Невысокий, сухощавый, но уверенный в себе. Видимо, в вышедшей из леса компании он был за главного.

Сердце колотилось настолько яростно, что Пантору каза-

лось: его стук слышно на другом краю поляны. Мертвяки неспешно подошли ближе. Вели они себя так, словно поляна была их собственностью. Сухощавый остановился возле самого костра, не обратив никакого внимания на мага, кинул оценивающий взгляд на Орландо. Тот на появление непрошенных гостей отреагировал в разы спокойнее. Разве что прут с грибами в сторону отложил.

– Привет, братишка, – подмигнул сухощавый. – Как дела?

– Были неплохо, – невозмутимо отозвался Орландо, – пока не помер.

Пришлый натянуто рассмеялся, показывая, что оценил шутку. Присел на корточки по ту сторону костерка. Остальные трое остались стоять у него за спиной молчаливыми теньями. Но глядели недобро. Пантор почуял, как по спине побежали мурашки.

Орландо как ни в чем не бывало поднял прут с грибами и выставил перед собой на вытянутой руке, принялся вертеть над костром.

– Живчика кормишь? – заметил сухощавый. – На мясо? Или в рабство?

Внутри все похолодело. Пантор затравленно оглядел поляну. В голове дернулась мелкая мыслишка: а ведь он здесь один живой.

– А тебе чо за дело?

– Э, брат, – наигранно сморщился пришлый мертвяк, – не надо грубить. Ты здесь чужой. Нет, ты не подумай, мы

примем тебя как родного, но с одним условием: у нас все общее.

Орландо кивнул. Отвел руку с прутом от костра. Поглядел на зарумянившиеся, ужарившиеся грибы.

– Согласен, брат. Все общее. Грибочков хотите?

Пришлый стиснул челюсти, глаза недобро блеснули. Трое, что молча стояли у него за спиной, приблизились.

– Не шути, – процедил сквозь зубы сухощавый мертвяк. – Не надо. Нам нужен твой живчик.

Пантор сжался. Сердце пропустило удар. Теперь оставалось только драться. Но против четверых мертвяков он мало что мог. Разве только воспользоваться магией, но подходящих заклинаний, которыми можно воспользоваться с ходу, не было.

– Он не мой, – все так же спокойно ответил Орландо, – он свой собственный.

– Тем лучше, – ухмыльнулся сухощавый и встал на ноги. – Значит, будет наш.

– Не будет, – поднялся вслед за ним Орландо. – Он мой товарищ.

– Глупо дружить с живчиками, – хищно ухмыльнулся сухощавый.

Трое, что стояли позади, снова пришли в движение, разошлись веером, так что удерживать всех четверых пришлых в поле зрения стало теперь решительно невозможно.

Пантор напрягся.

– Я сам разберусь, с кем дружить, – спокойно проговорил Орландо.

– Не ошибись.

– Постараюсь. А мне говорили, что здесь строго следят за исполнением законов и поборолли разбой.

– Ну да, поборолли разбой, – хихикнул сухощавый. – А также проституцию, семейные ссоры, лень и мелкий подхалимаж.

Он легко кивнул, и в то же мгновение Пантора крепко схватили сзади, завернули руки за спину. Маг вскрикнул от боли и неожиданности. Орландо резко дернулся вперед, готовый прийти на помощь. Дорогу ему преградили двое. Сухощавый наблюдал со стороны, как Орландо коротко, без размаха двинул в челюсть тому, что был справа. Мертвяк отлетел, нелепо раскинув руки. На Орландо кинулся второй. Следом сориентировался и бросился в драку первый, схлопотавший уже по роже.

Дальше Пантор не видел. Его потрянули. Холодное тонкое лезвие коснулось горла. Маг хотел закричать, но не смог. В глазах потемнело от страха. Сквозь эту плывущую темноту донесся голос сухощавого:

– Стоять!

Все замерло. Орландо со стиснутыми кулаками и едва сдерживаемым бешенством... Двое нападавших на него мертвяков, у одного из которых была свернута челюсть... Сухощавый с гнусной победоносной ухмылкой... Нож у гор-

ла... Сердце в груди у Пантора...

Только костер потрескивал прогоревшими ветками да вилась над мертвыми в сумерках мошкара.

– Спокойно, брат, – голос сухощавого звучал тихо, но с издевкой. – Как видишь, вариантов у тебя не так много. Или по-хорошему, или по-плохому, но живчика ты нам...

Последние слова потонули в громком утробном рыке. Сухощавый переменялся в лице. Стрельнул взглядом в сторону. На опушке между деревьев темнел силуэт и горели янтарем два глаза. Не то собака, не то волк смотрел сквозь ветви на мертвяков и глухо, с угрозой рычал.

– Уходим, – тихо скомандовал сухощавый, отступая назад. – Быстро.

Двое, что кидались на Орландо, поспешили за вожаком. Пантор с облегчением почувствовал, как ослабла хватка, а от шеи отстранилась тонкая полоска стали.

– Еще увидимся, – зло хлестнуло в затылок.

Обернулся. Сзади уже никого не было, лишь шевельнулись кусты. Зато впереди из-за деревьев выступило крупное животное, больше походившее на собаку, чем на волка. И все же это был волк. Волчица. Ободранная, страшная. Уродливое тело ее покрывали лишай. Шерсть, что росла ключьями, спуталась и свалялась колтунами. Несмотря на отталкивающую внешность, держалось животное уверенно и независимо. Волчица больше не рычала. Неторопливо вышла на открытое пространство, скосила голову набок

и посмотрела на Пантора. Перевела взгляд на мертвяка, затем снова на мага.

– Здравствуй, – чувствуя себя глупо, сказал молодой маг.

Животное в ответ лишь тихо рыкнуло и мотнуло кудлатой головой. Развернулось, потрусилло обратно к лесу. Остановилось, обернулось нетерпеливо. Поглядело с укором, словно осуждая за недогадливость.

– Она хочет, чтобы мы за ней пошли, – сообразил Орландо.

Волчица посмотрела на мертвяка почти с благодарностью. Снова мотнула головой и побрела к лесу. Пантор глядел на зверюгу с сомнением. Симпатии она не вызывала, скорее чувство брезгливости. Да и ходить в загустевшей темноте по лесу не хотелось.

Орландо тоже колебался.

Уже у деревьев волчица оглянулась мельком и недовольно заскулила. Мертвяк не выдержал и пошел следом.

Пантор терзали сомнения. Здесь была поляна, костер. Там – ночь, лес с буреломом, болотами и невесть какой еще дрянью.

– Идем, – поторопил Орландо. – Она ждет.

– Ты уверен?

Мертвяк повел могучими плечами:

– Ну, она как бы нам помогла. А те уроды вернутся. Да еще и друзей приведут.

Логика в его словах была непробиваемая, и Пантор пото-

ропился за приятелем и скрывшейся за кустами волчицей.

Зверюга чувствовала себя здесь как дома. Казалось, ее не смущает темнота и отсутствие дороги. Волчица крутилась между деревьев, легко уворачивалась от веток, норвящих выколоть глаза. Ее спина мелькала то тут, то там. Временами удалялась, терялась за деревьями, временами притормаживала, поджидая. Глядела на отставших двуногих со снисхождением и снова бежала вперед. У Пантора по темному ночному лесу передвигаться выходило на порядок хуже. В свете тусклых, едва пробивающихся сквозь кроны звезд не разглядеть было практически ничего. Разве что отчетливо замечались отлетающие в лицо ветки, отодвинутые с дороги и отпущенные мощной дланью Орландо. Правда, ветки эти сначала чувствовались, а уж потом их становилось видно.

Трещало, хрустело. Шуршало под ногами. Назвать их передвижение по лесу тихим нельзя было никак. Волчица больше не оглядывалась. Приостанавливалась временами, ждала и снова бежала вперед. Не то на слух ориентировалась, не то на запах.

– Куда она нас тащит? – окончательно сбив дыхание, спросил Пантор.

– Я почему знаю, – огрызнулся на ходу мертвяк и тут же осекся.

Деревья расступились. Под звездами серебрилась сырой травой поляна. На другом ее краю стоял грубо сложенный шалаш. Возле шалаша мелькнула серой тенью волчица, ку-

вырнулась неестественно, и на том месте, где только что находилось облезлое животное, поднялась обнаженная девушка.

Орландо замер с открытым ртом. Подошедший Пантор опешил и неловко отвел взгляд. Девушка поспешно одевалась, подобрав с земли одежду. Молодой маг усиленно прятал глаза, но взгляд, словно ворожкой, тянуло к женской фигуре. Она была настолько красива и совершенна, насколько уродливо выглядела в образе волчицы. Ею хотелось любоваться бесконечно. Хотелось...

– Вам не кажется, что невежливо так таращиться на обнаженную женщину?

Голос был мужской. Молодой голос. Пантор отвел взгляд от девушки-волчицы и поглядел на выбравшегося из шалаша юношу. Тот оказался светловолос, голубоглаз и чрезмерно бледен. Мертвенно бледен.

– Я Винни, – представился он. – Ее зовут Нана. А вы кто?

– И откуда здесь? – подключилась к разговору девушка, закончив с одеждой.

– Мы шли в Витано, – осторожно заговорил Пантор.

Белобрысый юноша подошел ближе и посмотрел на мага с грустной улыбкой. Пантор едва заметно вздрогнул. Винни был мертв, а к чужим мертвякам молодой маг все еще не мог привыкнуть.

– В Витано? – повторил юноша. – Ну, тогда добро пожаловать.

И он широко обвел рукой поляну, шалаш и лесную опушку.

Винни умер не так давно. Сначала умер, затем повзрослел и посерьезнел. Теперь, хоть и выглядел мальчишкой, он казался солидным и рассудительным. Говорил с потаенной грустью и спокойной не по годам трезвостью. Пантор слушал нового знакомого и думал, что в его возрасте рассуждал совершенно иначе. И на мир смотрел совсем с другой стороны. Впрочем, в его возрасте молодой маг был жив. Кто знает, как бы он рассуждал и смотрел на жизнь, если бы умер и был поднят?

По словам юноши, город в самом деле существовал и находился уже совсем рядом. За пролеском долина, в ней деревня. Дальше еще лесок, болото, а там и Витано.

– Зачем строить город на болоте? – поморщился внимательно слушавший паренька Орландо.

– Чтобы сохранить в тайне.

– Тоже мне тайна, – фыркнул мертвяк. – Если слухи о нем до Лупа-нопа дошли...

– Это теперь, – мягко не согласился Винни. – Витано существовал втайне много лет, скрытым от людских глаз. И никто на острове, кроме его жителей, не подозревал о существовании города. Десятки лет. Может, сотни...

– Бред, – недоверчиво фыркнул Орландо.

Юноша нахмурился.

– Откуда ты можешь это знать? – дипломатично поправил Пантор. – Тебе ведь значительно меньше лет.

Винни не ответил. Отвернулся, будто попался на вранье и устыдился.

– Он родился в Витано, – объяснила Нана. – И его родители выросли там. И никто не знал об их существовании, а они не знали о том, что существует жизнь за пределами города.

Белобрысый юноша по-прежнему таращился в сторону. Нет, он не устыдился. Просто ему неприятно об этом говорить, а Пантор проявил бестактность. Теперь в самый раз было переменить тему, но любопытство оказалось сильнее.

– И как же? Столько лет город был невидим, а потом бац и...

Винни обернулся, потер ладонью гладкий юношеский подбородок.

– Столько лет город был окружен стеной и магическим барьером. В городе знали, что за стеной и барьером только смерть. Отцы-основатели постарались, чтобы в это верил каждый.

– А снаружи знали, что там болото, – подхватила Нана. – Кому понадобится в болото лезть?

– А потом, как вы говорите, бац – и горстка нелюдей разрушила барьер и устои города. Рушили во благо, получилось... – Он запнулся, отвел взгляд и закончил грустно: – Как получилось.

– Стало хуже? – полюбопытствовал Пантор, вспоминая,

как горстка магов совсем недавно взорвала устои в столице.

Винни пожал плечами.

– Стало по-другому. Было мерзко. А стало по-другому мерзко. Я не так хорошо разбираюсь в мерзости, чтобы находить преимущества одной перед другой. Когда нелюди делали переворот, они не хотели ничего плохого. В итоге не вышло ничего хорошего. Благие намерения не самых достойных представителей населения острова.

– За что ты их так не любишь? – спросил Пантор.

Винни посмотрел искоса, усмехнулся.

– Очень просто: я – один из них. Да и откуда на острове, куда ссылают всякий сброд, взяться порядочным людям. Тем более нелюдям.

– А вот о том, кого сюда ссылают, ты судить не можешь, – не согласился Орландо. – Ты представления не имеешь, за что и кого сюда ссылают оттуда.

Винни подобрался, с интересом поглядел на Орландо и Пантора.

– Хорошо. Вот вы двое давно на острове?

– Меньше года, – ответил мертвяк.

– Значит, беглые, – сделал вывод юноша. – Уже неплохо. И что же? Вас сослали без причины? Кем вы были там, у себя, на Большой Земле?

Орландо нахмурился.

– Я никем не был. Меня подняли из мертвых, а через сутки сослали. А он...

– А я был учеником мага, – подхватил Пантор. – А потом мой учитель начал эксперименты с некромантией. Я не знал об этом. Только догадывался. Потом он совершил один ритуал, и я оказался вне закона.

– И что стало с твоим учителем? – любопытствовал Винни.

– Лорд... – замялся Пантор.

Перед глазами возникла картина из прошлого. Обгорелый магический рисунок на полу, мертвое тело учителя, разметавшиеся по полу седые локоны...

– Лорд Мессер умер, – закончил он.

Мертвый юноша подскочил на месте. Пантор непонимающе поглядел на собеседника.

– Кто?! – Винни попытался сохранить спокойствие, но вышло не очень хорошо.

– Лорд Мессер. Мой учитель.

Парень испытующе посмотрел на Пантора.

– Вот ты говоришь, – произнес уже спокойно, – что сюда ссылают честных людей. А сам врешь.

Пантор опешил. Орlando с любопытством смотрел то на одного, то на другого.

– Почему вру? – непонимающе пробормотал ученик мага.

– Потому что твой учитель Мессер на острове уже тридцать лет!

– Как? – совсем растерялся Пантор.

Винни повернулся спиной, давая понять, что разговор

окончен. Бросил, не оборачиваясь:

– Утром Нана отправляется в город. Если хотите, она вас проводит.

И мертвый юноша скрылся в шалаше.

Деранс проснулся посреди ночи с ясным осознанием, что в гостиничном номере он не один. Рука рефлекторно дернулась под подушку, где лежал магически модифицированный пистоль, но оружия на месте не оказалось.

Внутри похолодело. Капитан резко сел на кровати, вглядываясь в темноту.

– Не дергайся, – донесся из темноты хриплый незнакомый голос.

Тревога, что скрывалась в груди, начала выбираться наружу. Кто этот человек или мертвяк, затаившийся в темноте?

Его узнал кто-то из ссыльных? Нет, исключено. Он сам никогда не общался с преступниками. Он же не пристав. Разумеется, из этого правила были исключения, но... нет, маловероятно.

Вариантов оставалось немного. Либо какой-то случайный или неслучайный воришка. Либо кто-то из местных начальников обиделся и решил припугнуть заезжего капитана. В каждом из вариантов оставалась возможность договориться и разойтись миром.

– Что вам нужно? – осторожно спросил Деранс.

– Хороший вопрос, – зло процедил голос. – А ты сам как думаешь?

Все-таки воришка. Простой жулик, или не простой,

но все равно. Надо было найти заведение поприличнее. Хотя в этой дыре поприличнее может не быть вовсе.

— Я не думаю, — проворчал Деранс. — Я сплю... Спал.

— Ну так проснись и подумай, капитан Деранс.

В груди что-то с треском оборвалось. Нет, не жулик. Вор не знал бы его имени. Значит, местные власти решили приструнить заезжего капитана. Интересно, кто из тех пяти, которых он обошел? Или у них здесь круговая порука? Тревога переросла в страх.

— Кто вы?

— Не узнал?

Ярко вспыхнула лампа, разгоняя темноту. Деранс зажмурился. Долго шурился, пока глаза привыкали к свету.

Человек сидел у стола. Крепкий, но осунувшийся, небритый, грязный.

«По крайней мере не мертвяк», — мелькнуло в голове.

Незванный гость был не стар, но на лице его наметились морщины, а волосы и недельная щетина словно бы подернулись пеплом. Мужчина рано поседел. Глаза его были тусклыми, будто внутри что-то перегорело, сгорело дотла, осев пеплом на волосах. Только теперь в глазах этих пылала ненависть.

Деранс узнал взгляд. Память услужливо подкинула картинку вчерашнего дня. Порт, грузчики, взгляд. Этот же самый. Сейчас сомнений не было, капитан узнал грузчика, только теперь понимания цели визита ночного гостя не оста-

лось вовсе.

– Вы грузчик.

– И теперь не узнал. Ничего, я напому.

Жорж сел на кровати. В руке грузчика мгновенно возник пистоль. Тот самый, что Деранс тщетно искал у себя под подушкой.

– Не дергайся, – посоветовал визитер.

Капитан выставил руки в успокаивающем жесте ладонями вперед. Грузчик кивнул, но пистоль не убрал, и его дуло смотрело теперь на Деранса с той же пугающей пустотой, что глаза грузчика. Разве что ненависти в нем не было.

– Вы хотите меня убить?

– Я хочу, чтобы ты меня вспомнил.

Мысли разлетались в стороны. Капитан пытался собрать их, но ничего не получалось. В голове творился полный хаос.

– Мы встречались прежде? – пробормотал он.

– Можно и так сказать, – кивнул визитер. – Помнишь Маргарет? У нее были дети и муж, которому она с тобой изменяла. Помнишь? Ты должен помнить. Ваша связь длилась очень долго. Она практически бросила ради тебя мужа. Он был приставом. Он был в отъезде. Это ты его отослал в командировку, а в это время крутил с Маргарет. Помнишь?

Голос ночного гостя становился все жестче и холоднее. Лицо кривилось от ярости.

– Ты подвел мужа под статью, хотел отправить на остро-

ва и счастливо жить с его женщиной. Но в ОТК сменилась власть, и эта власть выдвинула новые требования к заключенным. Кому-то приговоры отменили, кому-то – ужесточили. Тот пристав попал во вторую категорию, и ты отправил его на острова вместе с семьей. С женой и детьми. Теперь вспомнил?

Визитер замолчал и зло стиснул челюсти. Образ всплыл сам собой. Ошибки быть не могло. Только прежде не было седины и морщин, не было этой замызганной, осунувшейся усталости. И взгляд пристава был ясным. В нем была цель, был смысл.

– Ниро, – пробормотал капитан.

– Узнал. – В лице бывшего пристава появилось что-то волчье.

– А Маргарет? – вырвалось против воли.

– Ее больше нет, – с ледяным спокойствием произнес Ниро. – Она умерла. И дети. Условия для вновь прибывших ссыльных здесь довольно жесткие. Не любой взрослый мужчина способен их выдержать. Многие умирают. У женщин и детей нет шансов.

Ниро встал из-за стола, сделал шаг к кровати.

Внутри у капитана похолодело.

– Чего ты хочешь?

Пристав молча поднял пистоль. Сердце Деранса пропустило удар.

– Мы можем договориться, – забормотал он быстро. – До-

говориться, Ниро. Это же работа. Это все на благо Объединенных Территорий. Ты же понимаешь. Это приказ, это был приказ. А приказы не обсуждают. Ты же знаешь. А Маргарет, она... Ты должен понимать почему, если ты все знал.

– Я не знал. Она рассказала мне перед смертью. Умоляла простить за то, что связалась с такой тварью.

Голос бывшего пристава звучал теперь удивительно спокойно, как у человека, который все для себя окончательно решил.

«Не выйдет договориться», – промелькнула в голове капитана паническая мысль.

– Я буду кричать и звать на помощь, – сказал он едва слышно.

– Кричи.

Ниро вдруг снова сделался злым. В два скачка преодолел разделявшее их расстояние, сгреб капитана в охапку, приставил пистоль к голове.

– Кричи, – заговорил бешено в самое ухо. – Здесь каждую ночь кто-то кричит, зовет на помощь. Все привыкли. Знаешь, кто кричит? Те, кто выживает. Работают как каторжные, экономят на еде, чтобы раз в неделю позволить себе надраться в лохмотья дешевой бормотухой. А потом они кричат и зовут на помощь. Просто так, не зная толком, кого звать. Потому что звать им некого. Государство их предало, близкие умерли, а боги глухи. И они орут просто так. От отчаяния. Кричи, капитан, зови на помощь. Это ничего не из-

менит. А будет так.

Ниро резко завалил Деранса на кровать, прижал коленом. Капитан дернулся, но справиться с бывшим приставом оказалось выше его сил. Хотя и отощавший, тот был невероятно крепок. Видно, сказывались ежедневные нагрузки в порту.

– Будет так, – повторил Ниро. – Я пристрелю тебя как собаку. Потом вложу тебе пистоль в руку и уйду. А завтра все здесь будут знать, что заезжий капитан, отчаявшись в успехе своей миссии, застрелился.

Деранс почувствовал, как вбуравливается в висок ствол пистоля.

– Тебя поймают, – отчаянно пообещал он.

– Меня никто не поймают, – покачал головой Ниро. – Никогда. Я буду спокойно жить дальше. А ты сдохнешь прямо сейчас.

– На шум обязательно кто-то прибежит, и тебя схватят, – повторил капитан, чувствуя, как голос срывается на истерику.

– Можно было тихо придушить тебя подушкой, – согласился бывший пристав. – Но мне нужно, чтобы ты знал, кто и почему отправил тебя на тот свет. И чтобы ты знал, что мне за это ничего не будет. Никто меня не схватит. Веришь?

Деранс посмотрел в глаза бывшего подчиненного и понял, что так и произойдет. Что можно орать, звать на помощь, сопротивляться, но ничего изменить уже не получится. И пристав уйдет безнаказанно. Может, потому что он уже понес

наказание заранее. Но он будет жить, а Деранс...

– Вспомни Маргарет, – прозвучало рядом хрипло.

Капитан попытался исполнить приказ, но ничего не вышло. Вместо светлого образа был только страх. Выстрела Жорж Деранс не услышал.

Бывший пристав отвернулся и поднялся с кровати. Голова Деранса превратилась в кровавое месиво, разметанное по серой застиранной гостиничной подушке. Ниро вложил пистоль в руку капитана, подошел к столешнице, потушил свет. Какое-то время он постоял в темноте, в тишине рассматривая бездыханное тело. Потом вернулся к кровати, взял пистоль и переложил его на стол. Если кто и услышал выстрел посреди ночи, никому не было до этого дела. Не то заведение и не тот квартал, чтобы реагировать на подобную ерунду. Коридоры и вестибюль гостиницы были пусты. Ниро спустился и вышел никем не замеченным. На улице тоже оказалось безлюдно. Бывший пристав поежился и, ссутулившись, не спеша зашагал по мостовой. Идти было недалеко. Через четверть часа он добрался до опорного пункта портовой охраны. Дежурный, что сидел у входа, выглядел заспанным и беспрестанно зевал.

– Чего надо? – спросил сердито, явно не испытывая прилива нежности к ночному визитеру.

Ниро посмотрел на него устало. Кроме усталости теперь не было ничего.

– Я убил человека, – тихо произнес он. – В гостиничном номере. Четверть часа назад.

К удивлению Пантора, когда-то скрытый Витано и впрямь оказался недалеко. Они вышли из леса, обогнули долину с деревушкой и, миновав болото, оказались у городских стен. Стены были выстроены на совесть. Невероятно высокие, неприступные. Такие не пробить ни магией, ни тараном, ни современными орудиями, изобретенными в Веролле хитрыми магами-механиками по заказу Консорциума. Пантор читал про подобные пушки: простые механизмы, усиленные и доведенные до совершенства при помощи магии. И хотя молодой маг сам легендарных пушек в действии не видел, глядя на могучую кладку, крепко сомневался, что ее способен пробить какой-то механизм, пусть даже усиленный магией. Вдоль стены располагался широкий – в несколько десятков шагов – ров, в котором плескались мутные, непроглядные волны. Глубину оценивать Пантор не взялся бы. И о том, что может скрываться под водой, думать тоже не хотелось.

Со стороны Витано выглядел неприступной крепостью. Зачем нужно было прятать такой бастион, Пантор решительно не понимал. Если б кто и увидел эдакую неприступную громадину среди болот, сунулся бы вряд ли. Такие крепости глупо брать штурмом. Разве что осадой.

Вскоре показался разводной мост и огромные ворота. Створки оказались распахнуты, мост опущен. Город был го-

тов принять каждого. Или заманивал?

Пантор поежился. Винни ночью больше не сказал ни слова, утром поспешно распрощался. Проводница Нана тоже не отличалась многословием. Один раз она, правда, обмолвилась, что Винни не одобряет действий новой власти, а новая власть расстроена, что юноша бросил ее не вовремя. Но на расспросы не отреагировала, поспешно перевела разговор на другую тему, и Пантор оставил попытки. Ясности не было. Ситуация не нравилась. Молодой маг оправился от первого потрясения и теперь боролся со злостью и непониманием. Возмущало то, что какой-то мальчишка беспричинно обвинил его во вранье. И ладно бы для того был повод, но Пантор не солгал ни словом. Выходит что же? Кто-то выдает здесь себя за его пропавшего учителя? Или у лорда Мессера есть тезка?

И самое главное, если парень из леса со смешным именем на самом деле посчитал его лжецом, то куда их сейчас ведут и с какой целью?

Орландо все воспринимал спокойнее. Шагал размеренно, но по сторонам глазел с интересом. Впрочем, посмотреть здесь было на что.

Организация и застройка внутри городских стен были выверены до мелочей и сложны, как в муравейнике. Самый крошечный кусочек пространства оказывался задействован и использован. Высочайшее сооружение в ОТК – здание Консорциума, подпирающая шпилем облака столичная ди-

ковинка, на которую съезжались поглазеть зеваки со всех концов Объединенных Территорий, – рядом с домами в Витано выглядело совсем невысоким, теряло всякое величие. Вечный город, как назвал его прошлой ночью Винни, был застроен невероятно плотно. Высотные здания уносились к небу, оставляя внизу улочки узенькие настолько, что стены, казалось, подступали со всех сторон, норовя раздавить, сплющить идущего между ними человека. Небо виднелось лишь тонкими голубыми лентами. Солнце на улицы Витано не попадало вовсе.

– Невероятно, – пробормотал Орландо.

– Красиво, – согласилась идущая впереди Нана.

– И жутко, – добавил Пантор.

Девушка посмотрела на него с интересом, кивнула:

– Да, для того чтобы жить в Витано, нужна привычка.

Сама она, вероятно, уже привыкла. Во всяком случае, между громадами небоскребов она передвигалась с не меньшей ловкостью и уверенностью, чем ночью в лесу.

Улочки петляли, как муравьиные тропы. Дома казались похожими друг на друга, как пуговицы на одной рубашке. Непосвященному заблудиться здесь, вероятно, было проще, чем в портовом Лупа-нопа или на болотах. Дома врастали в землю. По стенам вниз и вверх ползали подъемники.

– А там что? – кивнул Пантор на ближайшую платформу подъемника, уходящую в шахту ниже уровня улицы.

– Шахты, – легко объяснила Нана. – Снизу под городом

каменоломни, ведется добыча ресурсов. Кроме того, склады, технические переходы. Сверху, на крышах, фермы. Там выращивают овощи, фрукты, злаки, пасут скот. Витано долго был изолирован от внешнего мира, население города росло, расширяться было некуда. Так что он закономерно рос вверх и вниз.

Пантор посмотрел наверх, где под самым небом какая-то зелень оплетала крыши. И снова подумал, что прятать такой город незачем. Штурмом эту крепость не взять, измором, судя по всему, тоже.

– А теперь? – вмешался в разговор Орландо.

– Теперь часть жителей ушла за пределы города. Часть осталась. На смену уроженцам Витано явились нелюди из окрестных деревень. Население смешалось. И здесь, и за стенами. Устоявшиеся порядки несколько изменились. Но город диктует свои условия. Слишком он самобытен, чтобы жить здесь совсем иначе.

Мертвяк кивнул, уважительно провожая взглядом ползущую вдоль стены к небу платформу очередного подъемника.

Пантор снова поглядел наверх. Каким инженерным и магическим гением надо обладать, чтобы создать такое!

За впечатлениями от увиденного он отвлекся даже от своих опасений. Вспомнил о них, только когда очередная узкая улочка выскочила на огромную площадь. За все время это было первое неразумное использование жизненного пространства, оттого выглядело оно еще более ошеломляю-

ще. Посреди огромной площади возвышалось удивительное, не похожее на другие здание.

– Ух, ничо себе! – выдохнул впечатленный Орландо.

– Что это? – поинтересовался Пантор.

– Раньше здесь располагалась гильдия магов, управлявшая городом. Потом одни маги бежали. Другие... – Нана запнулась, закончила сердито: – В общем, теперь здесь новая власть.

– А мы здесь зачем? – насторожился маг.

– В этом городе тоже есть свои правила, – отрезала девушка. – Идемте.

Народу на улицах Витано было немного, потому площадь, по которой прогуливались редкие горожане, выглядела сильно людной. Зато в здании бывшей гильдии не оказалось никого. Ни охраны на входе, ни коридорных на этажах. Здесь было тихо и уныло. И все же кто-то все время незримо присутствовал. Слышались в отдалении то тут, то там шуршащие шаги, доносились дверные хлопки и приглушенные голоса.

Нана твердым шагом поднималась по лестнице. На звуки не обращала внимания, как и на шлепающих сзади Орландо и Пантора. В голову девушки-волчицы, кажется, не приходила мысль, что ее подопечные могут сбежать. Зато эта идея снова крутилась в голове у Пантора. Лестница закончилась очередной площадкой. Если с прошлых можно было свернуть на этаж или подняться выше, то здесь вариантов оста-

валось немного. Девушка толкнула дверь, шагнула внутрь, придержала. За дверью обнаружился длинный извилистый коридор, убегаящий в обе стороны. Нана свернула направо. Поступь ее была совсем не слышна, словно девушка опять обернулась волком и трусила по лесной тропе, а не чеканно вышагивала по коридору.

Пол устлали яркие ковровые дорожки. На стенах висели мрачные картины с не самыми гуманными сюжетами. Кто-то кого-то рубил, кто-то в кого-то стрелял. На одном полотне маг с безумным лицом фанатика разрывал пространство соскальзывающими с пальцев молниями. Глядя на то, во что превращают эти молнии людей, Пантор содрогнулся. Если это не преувеличение художника, то маг, изображенный на странном полотне, был невероятно силен.

Коридор в очередной раз свернул, уперся в тяжелую дверь.

– Ждите здесь, – сказала Нана и вошла внутрь, оставив Орландо и Пантора наедине.

Маг проследил за тихо захлопнувшейся дверью. Отступившая было тревога уверенно возвращалась, заполняя собой нутро.

– Что скажешь? – спросил тихо.

– А чо тут скажешь? – пожал могучими плечами Орландо. – Если б нас хотели уничтожить, могли бы сделать это раньше и проще, а не водить по коридорам. Значит, убивать не...

Орландо осекся. Дверь скрипнула, и в коридоре появился элегантный мужчина. Изящный, но крепкий, с невероятным благородством на лице и изяществом в движениях.

– Добрый день. Я – Деррек, личный помощник лорда. Лорд примет вас через несколько мгновений.

– Какой лорд? – опешил Пантор.

Деррек не успел ответить. Дверь снова распахнулась, и в коридоре появилась Нана.

– Проходи, – коротко обратилась она к Пантору. – Лорд ждет в кабинете.

Молодой маг шагнул к двери, оглянулся на Орландо.

Девушка покачала головой.

– Только ты. Мертвяк подождет здесь.

Впереди была приоткрытая дверь, позади коридор и Орландо, по обе стороны которого стояли Деррек и Нана. Бежать поздно и некуда. Да и сколько можно бегать. Пантор толкнул дверь и переступил порог. Кабинет размерами больше походил на залу. Здесь пахло пылью и тленом. Стены до самого потолка были уставлены книжными стеллажами. Окна зашторены плотными занавесями. В дальнем конце стоял стол с широкой тяжелой столешницей, виселось массивное кресло.

В кресле сидел человек в балахоне. Лицо его скрывал широкий, надвинутый едва не до носа капюшон. Человек поднял руку в перчатке из тонкой кожи в приветственном жесте. Поманил к себе. Пантор послушно шагнул вперед. В груди

сжалось. Все происходящее выглядело странно. Загадочно и пугающе.

– Ну, здравствуй, мой мальчик, – нарушил тишину человек в балахоне. Голос его был ласковым, удивительно мягким и невероятно знакомым.

Голос принадлежал человеку, которого не могло быть в этой зале. Он учил Пантора магическому искусству. Он экспериментировал с запрещенной магией. И его Пантор своими глазами видел мертвым около года назад.

Внутри похолодело. Пантор подошел ближе.

– Л-лорд Мессер? – пролепетал он, заикаясь, не веря себе.

Тонкая рука в перчатке тронула край капюшона, потянула его в сторону, обнажая голову. Теперь на Пантора глядел голый выбеленный череп с пустыми черными глазницами.

Молодой маг вздрогнул, застыл в ужасе.

– Здравствуй, – повторил наряженный в балахон скелет, оживший по чьей-то безумной прихоти, и в его оскале почудилась улыбка.

Пантор уже давно привык к общению с мертвяками. Ожившие трупы встречались здесь, на острове, едва ли не чаще людей. А вот про способные двигаться и разговаривать кости маг только слышал, сталкиваться же с живыми скелетами до сегодняшнего дня не приходилось. Ощущение было жутковатым. Смотреть на собеседника не хотелось до отвращения, и в то же время взгляд словно неведомой магией притягивало к пустым глазницам. И молодой маг украдкой изучал то, что когда-то было его учителем. А скелет говорил с ним голосом Мессера, сохраняя интонации лорда. И благородства в нем было столько же, и историю, которую он рассказал, не мог знать никто, кроме настоящего лорда.

Тогда, год назад, попрощавшись с учеником, лорд в самом деле провел запрещенный властями магический обряд. На что он рассчитывал, берясь за некромантию? На то, что победителей не судят. Если бы все получилось как задумано, Мессер достиг бы таких результатов, за которые ему простили бы все. Но что-то он сделал неверно, где-то допустил ошибку. Когда лорд очнулся, он был таким, каким Пантор видит его сейчас. Он запаниковал. Наткнулся на собственное тело, поглядел в свои мертвые глаза и сбежал. Бегал недолго. Когда истерия закончилась, Мессер сам явился к приставам и покался во всех грехах. Был осужден и сослан.

Пантор слушал во все уши и разглядывал учителя уже без отторжения. Более того, очертания черепа казались ему теперь знакомыми. Ведь те кости, необходимые для обряда, Мессеру принес именно он. И хотя он не имел возможности разглядеть их, а тем более запомнить в подробностях, чувство знакомости никуда не девалось.

А лорд продолжал рассказ.

Из Лупа-нопа он сбежал довольно быстро. Так же быстро понял, что беглого мага, тем более мертвяка, легко сдадут и быстро вернут назад за скромное вознаграждение. Это теперь, когда в глубине острова появился Витано, власти носа из Лупа-нопа не кажут, а раньше было иначе. Пришлось придумывать легенду, так Мессер начал врать, что живет на острове тридцать лет. Какое-то время, заработав свободу, жил в портовом городе, потом подался в глубинку. Верили.

Он много путешествовал, искал необходимую литературу и ингредиенты для проведения обряда. Мечтал вернуть себе человеческое тело, вернуть жизнь. Верил, что это возможно. В результате закружился в водовороте невероятных приключений, которые закончились обрядом, открывшим скрытый город. Лорд надеялся найти то, что искал, в Витано.

– Потом был переворот, – закончил Мессер устало. – Местные неживые, что селились в окрестных деревнях, двинули в город. В Витано с мертвяками никогда не сталкивались. Но основатели сумели создать миф о том, что Витано – последний оплот человечества, а за городской стеной только

хаос и смерть. Представляешь, что здесь началось, когда этот самый хаос вошел в город? Что стало с людьми, которых всю жизнь пугали мертвяками?

– Но ведь можно было объяснить...

Мессер покачал головой.

– Толпе не объяснишь. Здесь был город, в котором каждый с младенчества знал, что ничего кроме города нет, что Совет и гильдия правят Витано, спасая его жителей от нежити, захватившей весь мир.

– А Совет и гильдия спасали?

– Совет и гильдия упивались властью, развивая город. А с перенаселением боролись просто – продавали людей на сторону, как скотину. А вокруг жили мертвяки, знавшие, что здесь всего лишь болото. И тут мироустройство, складывавшееся веками и поколениями, рухнуло.

Лорд встал, сложил руки за спиной, прошелся вдоль пола.

– Одних в город двигало любопытство, других, тех, что в городе, – страх. Представь, что ты ребенок, которого всю жизнь пугали букой. И вот эта бука пришла к тебе в комнату. Что ты сделаешь?

– Сбегу, – честно ответил Пантор.

– А если бежать некуда? Когда страх затмевает разум, а бежать некуда, люди берут все, что под руку попадет, и начинают бороться за жизнь. А тот, кто получает по морде, будь он хоть тысячу раз мертвяком, даст сдачи. Здесь был сущий

кошмар, мой мальчик. Пока удалось хоть что-то до кого-то донести, перебили толпу людей и нелюдей. Сначала паника, потом истерика, потом бесконтрольная бойня, и только после этого кто-то в чем-то попытался разобраться. Мы помогли с этим. Я, Нана, Деррек, Винни. Я только на них и могу положиться. Они помогали с обрядом, они остались до конца. Нана. И Деррек.

– А Винни?

Мессер покачал головой, бархатистый голос лорда наполнился потаенной грустью:

– Винни ушел. Не сразу. Со временем все разъяснилось, люди примирились со своими мертвыми соседями. Стали расселяться. Многим здесь хотелось жить под солнцем, а не в тени великого города. Кто-то из деревень перебрался сюда. Совет, который управлял городом и знал правду, когда эта правда открылась, лишился всякой власти. Их следовало бы судить, но суда не получилось. Горожане просто растерзали несчастных. Маги бежали. Кроме двоих. Те двое, что основали город, остались.

Мессер вернулся к столу, остановился, прислонился к краю столешницы и посмотрел на Пантора пустыми глазами.

– Древние. Расчетливые. Они пришли ко мне. Увидели во мне новую власть и заявили с предложением. Мол, есть город, есть люди и нелюди. Люди глупы, нелюди и того глупее. Старого, конечно, уже не вернешь, но можно построить

нечто новое...

Лорд отвернулся, стараясь не встречаться с учеником взглядом.

– Я пришел сюда лишь с одним желанием, – голос мага прозвучал глухо, – я хотел вернуть себе жизнь. Нормальную человеческую жизнь. Себе, другим... Этому несчастному мальчику, Винни... Мы не желали ничего плохого, а получилась резня. Мне больно, больно за каждого, кто погиб в те дни, когда город раскрылся. И вот ко мне приходят эти бездушные хитрые... приходят и предлагают построить новый мир на костях. Выгодный для них и для меня. Кругом кровь, смерть, а они ищут выгоды. Знаешь, в тот момент во мне что-то сломалось, мой мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.